

НАСТОЯЩАЯ
ФАНАСТИКА

ЯРОСЛАВ ВЕРОВ, ИГОРЬ МИНАКОВ

ОПЕРАЦИЯ «ВИРУС»

Максим Каммерер в сердце Островной Империи? **Массараки!**

Ярослав Веров
Игорь Минаков
Операция «Вирус» (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805375

Операция «Вирус»: Снежный Ком М, Вече; М.; 2010

ISBN 978-5-9533-4873-7

Аннотация

Максим Каммерер в сердце Островной Империи? Да, когда-то всемирно известные фантасты братья Стругацкие собирались написать роман или повесть под названием «Операция „Вирус“». Но... не написали. Ее создали Веров и Минаков. Как такое возможно? Точно так же, как возможно новое научно-фантастическое прочтение старой, старой сказки в мире, вывернутом наизнанку!

Содержание

Чудо межавторского космоса	4
1	4
2	6
3	10
4	14
5	17
6	22
Повести	24
ОПЕРАЦИЯ «ВИРУС»	24
4 июня 78-го года	24
4 июня 78-го года	26
5 июня 78-го года	30
5 июня 78-го года	32
Документ 1	44
7 июня 78-го года	50
Документ 1 (продолжение)	61
9 июня 78-го года	65
Документ 1 (окончание)	75
10–11 июня 78-го года	82
13 июня 78-го года	93
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Ярослав Веров, Игорь Минаков Операция «Вирус» (сборник)

Чудо межавторского космоса

1

Наиболее частым и даже дежурным вопросом, который задавали братьям Стругацким, был вопрос: как вы пишете вдвоем? Братья Стругацкие отвечали на него по-разному, но всегда в одном духе: дескать, никакого феномена тут нет, собираемся в Москве или Питере, один садится за машинку, другой валяется на диване, и так – слово за словом – рождается текст. Братья лукавили, и это лукавство стало очевидным, когда были опубликованы фрагменты из рабочей переписки между ними, которая велась практически ежедневно на протяжении десятков лет. Когда читаешь эти старые письма, то отчетливо видишь, какой титанический труд остается за кадром творческой биографии. Видишь, что совместное

писательство не ограничивается посиделками в двух столицах – оно глубже, серьезнее, многограннее. Но самое чудесное – оно приводит к возникновению особого информационного пространства, которое вполне можно назвать «межавторским космосом».

История литературы знает достаточно примеров творческих дуэтов. Особенно много их в истории фантастики. Это можно объяснить особенностями жанра. Любовь к фантастике произрастает из того же кусочка человеческой души, что и религиозная вера. Но если религиозный человек верит в существование Всемогущего Творца и эта вера помогает ему смело смотреть в будущее, то любитель фантастики верит в будущее само по себе, и оно для него зачастую реальнее настоящего. А совместная вера, как известно, сближает, делая ничтожными суетные разногласия. Поэтому любители фантастики обожают собираться на конференции, называемые конвентами, и всегда расположены к сотрудничеству, если дело касается предмета их увлечения. Тяготеют друг к другу и писатели-фантасты: они единомышленники, им есть что обсуждать и что придумывать вместе.

А если в дополнение к этому возникает личная симпатия, то скоро следует ждать рождения нового автора, который будет носить двойную или даже тройную фамилию. О творчестве одного из таких авторов я и хочу рассказать.

2

Жили-были два очень непохожих друг на друга человека: донецкий инженер-физик Глеб Гусаков и московский редактор Игорь Минаков. Скорее всего, они никогда не пересеклись бы в этой жизни, если бы оба не любили фантастику и не начали ее писать. Глеб Гусаков уже имел опыт соавторской работы, издаваясь под псевдонимом Ярослав Веров. У Игоря Минакова публикаций было поменьше, но зато он получил профильное литературное образование. Я не знаю подробностей их первого знакомства, которое переросло в крепкую дружбу и стало основой для совместного творчества, но зато хорошо помню, как внезапно и напористо, кавалерийским наскоком, вторгся писатель Веров – Минаков в вяловатый и ставший уже привычным литературный процесс.

Тут следует ненадолго остановиться и отметить, что на момент появления этого нового писателя бурные дискуссии о путях развития отечественной фантастики уже отгремели. Большинство профессионалов сошлись на мнении, что фантастика – это лишь часть литературы, которая практически ничем не должна отличаться от так называемого мейнстрима. Поэтому жанровые границы не имеют четких контуров, и разделение писателей на фантастов и нефантастов лишено смысла. По сути, восторжествовала концепция, которую всю жизнь отстаивали вышеупомянутые братья Стру-

гацкие и которая гласила, что фантастика – не жанр, а прием; что на фантастику распространяются все литературные законы без исключения; что фантасты обязаны главное внимание уделять именно художественному наполнению своих текстов. Братьев Стругацких можно понять – когда они пришли в фантастику, пейзаж там был сер и безрадостен. Коммунистические идеологи понимали задачи фантастики слишком утилитарно, полагая, что главная ее цель – популярно рассказывать о достижениях науки и техники. Директивным решением из фантастики изъяли современную сказку – советский аналог фэнтези. Жанр, по образному выражению Александра Беляева, «засушивали», отсекая все живое и необычное, выходящее за рамки идеологического канона. Была и еще одна проблема, о которой сегодня не принято говорить, – писатели-фантасты того времени и сами зачастую не могли преодолеть инертность мышления, тиражируя стандартные довоенные сюжеты о полетах на Марс и Венеру, о прогрессивных советских и безумных западных ученых, о внедрении рационализаторских предложений и борьбе «передовиков» с «вредителями». В этой ситуации даже литературно слабый роман «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова был воспринят как откровение. Он затрагивал совершенно новый (а на самом деле хорошо забытый старый) круг идей и тем, указав на основное назначение качественной фантастики – обсуждение философских проблем бытия: кто мы такие, зачем пришли в этот мир, откуда и куда идем.

Братья Стругацкие активно вписались в процесс революционного обновления отечественной фантастики. И выступили как максималисты под лозунгом немедленного возвращения любимого жанра в основное литературное русло. Они только не учли, что и в этом русле имеются подводные камни.

К середине 1990-х годов сформировалась целая плеяда фантастов, выросших под влиянием братьев Стругацких и принявших их лозунг в качестве жизненной позиции. Их право на внимание со стороны читателей никто всерьез не оспаривал. Ниши были заняты, роли расписаны, и казалось, это надолго. Но вдруг выяснилась пренеприятная деталь. С одной стороны, мейнстрим не спешил принять жанровых неофитов – выход книги в любой из коммерческих серий фантастики автоматически делал писателя фантастом, даже если он в дальнейшем писал высоколобую реалистическую прозу. С другой стороны, планка отбора в упомянутых сериях быстро и необратимо снижалась год от года, и в фантастику пришли не десятки даже, а сотни самоуверенных молодых людей, но обладающих минимальными ремесленными навыками, но искренне полагающих, что «созидают литературу». В этих условиях те, кто задавал тон в 90-е, были оттеснены на обочину литературного процесса, – любитель фантастики, поглощающий десятки коммерческих книжек в год, перестал воспринимать их в качестве фантастов, а всенародно чтимыми прозаиками они так и не стали. Возникает вопрос: стоила ли игра свеч? Стоило ли отказываться от фантастики,

минимизируя ее присутствие в текстах и трактуя ее только как прием, чтобы на выходе потерять круг верных читателей и отдать некогда любимый жанр на откуп агрессивным халтурщикам?..

Вопрос этот чисто риторический. В конце концов, каждый писатель сам определяет свои приоритеты и сам протаптывает тропинку к сердцу читателя. Заставлять его писать как-то иначе нельзя, да и опасно. Но это не означает, что в один прекрасный день не появятся новые писатели, искренне болеющие не за отдельных авторов, а за жанр в целом, и не подвергнут ревизии те положения, которые еще вчера казались незыблемыми. Именно эту, не самую простую, ношу и взвалили на свои плечи Глеб Гусаков и Игорь Минаков.

3

Современным школьникам подобное может показаться форменной фантастикой, но во времена моей молодости (а я получал образование в маленьком провинциальном городке на берегу моря) особым шиком среди одноклассников считалось не употребление табуированной лексики, а использование к месту и не к месту трех законов диалектики Фридриха Энгельса. Особенно нравился нам закон «отрицания отрицания» – мы не слишком вдавались в его суть, но даже в самой примитивной формулировке этот закон оставлял за нами право на собственное мнение, которое в перспективе может оказаться куда более верным, чем мнение учителей.

Закон «отрицания отрицания» действительно хорош, и при желании его действие может быть выявлено в любом виде человеческой деятельности, включая, разумеется, литературный процесс.

Здесь мы наблюдаем классический пример действия этого закона. В 1950-е годы в фантастику пришли братья Стругацкие, которые бросили вызов сложившемуся укладу и делом доказали, что жанр может быть более живым и ярким, чем считалось прежде. Они многому научили нас. Братья Стругацкие – наши Учителя. Но плох тот ученик, который никогда не поспорит с учителем! Глеб Гусаков и Игорь Минаков оказались хорошими учениками. Подобно Стругацким, они

бросили вызов системе и рассчитывают победить.

В чем же суть этого вызова? Много лет друзья-соавторы наблюдали за последовательной деградацией жанра. Серьезные профессиональные прозаики все больше отдаляются от него, уходя в сатиру, фантазмагорию, сюрреализм и псевдоисторический роман. Все эти направления тоже можно отнести к фантастике (и некоторые литературоведы так делают), но тогда мы утрачиваем представление о том, что является ее магистральным руслом. Хотя это прозвучит как банальность, но скажу: магистральным руслом во все времена была именно и только научная фантастика. Так сложилось исторически. Задолго до XIX века появлялись мистические романы, утопии и фэнтезийные эпосы, но никому не приходило в голову выделить их в некий обособленный жанр, подобно детективу или романтической прозе. Только после Мэри Шелли, Жюль Верна и Герберта Уэллса фантастика стала тем, чем мы ее знаем сегодня. А главное, от чего всегда отталкивались эти основоположники, – это научно-фантастическая идея. Создание искусственного человека путем гальванизации мертвецов, полет в артиллерийском снаряде на Луну, путешествие в отдаленное будущее на машине времени – именно с этих идей начиналась настоящая фантастика, оказавшая влияние не только на литературу и кинематограф, но и на научно-технический прогресс. К концу XX века в России «банальности» стали подзабываться. Отказ от идей во имя «художественности» привел к размыванию границ и утрате

стержня. Хорошо это или плохо? Для большинства молодых авторов, которые не привыкли затруднять себя работой мысли, наверное, хорошо, для читателей – несомненно плохо. Все чаще можно услышать крик души очередного разочарованного: «Придешь в магазин, книжек полно, а почитать нечего!» Но дело даже не в том, что под маркой фантастики подсовывается бульварное чтение о галактических империях и войнах эльфов с вампирами, а в том, что именно это чтение и называется магистральным направлением. Как печальное следствие – в современной российской фантастике образовалась зияющая ниша, само существование которой дает основания говорить о перманентном кризисе, в котором находится жанр. Из фантастики выкинули научно-фантастическую идею... и грянул гром!

Есть несколько причин, почему это произошло, и о них уже писали знатоки жанра. Усилившаяся специализация науки, разочарование общества в ней, девальвация статуса научного работника, отсутствие внятных ориентиров, позволяющих отделить науку от лженауки, и тому подобное. Можно сколько угодно долго обсуждать эти причины, спорить о них до хрипоты. Можно даже радоваться тому, что это произошло, как делают некоторые самоуверенные критики. А можно сказать: хватит! Если в литературе опустела ниша, ее следует заполнить. Иначе кризис не преодолеть. Да, это трудный путь – идти наперекор течению, без поддержки и помощи, под свист и улюлюканье тех, кто не верит больше в благород-

ство помыслов и согласился принимать жизнь такой, какая она есть. Это трудно. Но кто сказал, что будет легко?

Радует, что за дело возрождения отечественной научной фантастики взялись два опытных писателя. Одиночке, если он не обладает величайшей силой духа, не выстоять в борьбе с конъюнктурой. А дуэту Веров – Минаков приходит на помощь чудо межавторского космоса.

В незримом информационном пространстве, возникающем между соавторами, идет процесс непрерывной генерации и шлифовки идей. словно пучки разогнанных протонов в большом адронном коллайдере, идеи сталкиваются, преобразуясь в нечто совершенно новое – в иную странную материю. Возникает стереоскопический взгляд на любую проблему, что позволяет ее с легкостью решить. Через череду ссор и компромиссов соавторы подыскивают общий знаменатель, и на выходе получается текст, который практически всегда глубже и объемнее некоего гипотетического произведения, написанного каждым из авторов поодиночке.

Писатель Веров – Минаков дебютировал сравнительно недавно – в 2008 году. И этот дебют мгновенно привлек внимание. Романы «Десант на Сатурн» и «Десант на Европу» из цикла «Трикстеры» заметно выделялись на фоне того, что сегодня издают под вывеской «Фантастический боевик». Разумеется, новый автор отдал дань и острому сюжету (погонам, перестрелкам, катастрофам), и описанию фантастиче-

ских миров и существ, но выделяло его тексты из общей массы совсем другое – желание и умение вести серьезный разговор с читателем на глобальные темы. Именно этим всегда и славилась качественная научная фантастика. При этом автор попробовал решить нетривиальную творческую задачу – придумать утопическое общество, которое вполне могло бы вырасти из нашего сегодня без значительных революций и потрясений. В качестве основы использовался Мир Полдня братьев Стругацких. Представьте себе группу «идейных» и влиятельных технократов, которые поставили своей целью сделать Мир Полдня реальностью. Само по себе это выглядело бы нелепостью, если бы за группой не стояла транснациональная корпорация, создающая роботизированную управляемую среду обитания, в которой чрезвычайно комфортно жить. Искушение оказывается слишком велико, и человечество принимает навязываемые ему правила игры. Казалось бы, Веров – Минаков мог на этом остановиться, но он сделал следующий шаг: утопия в стиле Полдня – лишь технический этап на пути превращения землян в космическую цивилизацию.

Литературные критики приняли вещь неоднозначно. Поскольку новый автор обозначил цикл «Трикстеры» «программным произведением», призванным стать первой ласточкой возрождения научной фантастики в России, от Верова – Минакова ждали чуть ли не Откровения. А не дождавшись, немедленно принялись топтать тексты сапогами,

даже не пытаясь понять, для чего они написаны и почему именно так написаны. Со стороны, признаться, это выглядело как пиршество вкусовщины. Критики не учли, что перед ними дебют. Если продолжать нашу аналогию (а она, между прочим, напрашивается), можно вспомнить о первом романе братьев Стругацких «Страна багровых туч». В нем уже было новое качество, но не чувствовалось еще уверенности будущих мастеров. Зато полным списком наличествовали все «родимые пятна» советской фантастики ближнего прицела. Возможно, это общее правило для творческих дуэтов. Трудно представить себе, чтобы два непохожих человека с непохожими биографиями в один момент сумели найти такие точки интеллектуального соприкосновения, которые позволили бы мгновенно перестроиться и начать выдавать на-гора превосходные тексты, не имеющие аналогов в истории мировой литературы. Не верю! Не бывает! Соавторы должны притереться, межавторский космос должен повзрослеть.

Тем не менее опытные читатели отнеслись к дебюту с куда большей благосклонностью, чем критики. Доказательством тому служат престижные литературные премии, которые Веров – Минаков получил на всевозможных фантастических конвентах и которые присуждаются по итогам тайного голосования участников либо решением компетентного жюри: «Бронзовый Икар», «Золотой Кадуцей», «Интерпресскон», «Серебряная стрела», «Чаша Бастиона».

Кстати, о «родимых пятнах».

В литературе (не только в фантастике) довольно сильна традиция создания так называемых зависимых произведений: фанфиков, сиквелов, приквелов, римейков, новеллизаций. Эта традиция существует со времен Гомера – по мнению ряда исследователей, «Илиада» и «Одиссея» изначально были сравнительно небольшими текстами, которые позднее много раз переиначивались и расширялись, вобрав в себя творчество множества людей. И никто сегодня не скажет, что это – плохо.

Традиция получила серьезный толчок к развитию с появлением кинематографа. Экранизировать книги или новеллизировать фильмы, снятые по оригинальному сценарию, стало привычным делом еще до Первой мировой войны. Телевидение расширило поле применения творческих сил, а глобальная компьютеризация позволила создавать мультипродукт, включающий собственно текст, иллюстрации к нему, аудиоинформацию, видео и даже игры по мотивам. Авторы литературного «мейнстрима» не остались в стороне от тенденции – в нем выросло целое направление, называемое «постмодернизмом», ярчайшие представители которого соревнуются в том, чтобы рассыпать по своим романам как можно больше скрытых цитат из классики, аллюзий и реми-

нисценций.

Нет ничего удивительного, что постмодернизм оказал значительное влияние на Верова – Минакова. Модные тенденции эпохи всегда оказывают влияние на молодых писателей, вопрос только в одном: сумеет ли конкретный писатель преодолеть диктат моды и сам стать законодателем мод?

Сборник, который вы держите в руках, является этапным для Верова – Минакова. Ведь самый простой способ избавиться от «родимых пятен» постмодернизма – отыграть в него до конца, до логического финала, до точки. Давайте посмотрим, как это делается.

Наибольшее влияние на фантаста Верова – Минакова, без сомнения, оказали братья Стругацкие. Это не означает, что соавторы Глеб Гусаков и Игорь Минаков не читали того же Гомера. Просто сложилось исторически: когда впервые встречаются два любителя фантастики, родившиеся и выросшие в Советском Союзе, одна из первых тем для обсуждения – это отношение к творчеству братьев, а уж затем все остальное.

Творчество же Стругацких весьма разнообразно: в нем можно найти и утопию, и научную фантастику с популяризаторским уклоном, и социально-психологическую фантастику, и острую сатиру, и фантазмагорию, и современную сказку. Больше того, одним из фирменных приемов братьев стало «авторское умолчание», когда многие загадки повествования авторами не объясняются, а само повествование об-

рывается в неожиданном месте. У истинных поклонников Стругацких всегда возникал соблазн дополнить «канонические» тексты, дать свои разгадки тайнам, убедительно объяснить хронологические нестыковки и логические несуразности. В результате возник масштабный литературный проект «Время учеников», придуманный петербургским подвижником фантастики Андреем Чертковым, – профессиональные фантасты могли открыто попробовать себя в создании «зависимых» произведений по мирам Стругацких. Первоначально вышло три тома, совсем недавно – еще два. Кстати, в двух последних отмечился текстами и один из героев нашего рассказа – Игорь Минаков. Вряд ли процесс осмысления творчества Стругацких на этом завершится. Следует ждать и новых книг, и новых фильмов, и новых игр.

Разумеется, принял участие в проекте хотя и молодой, но уже достаточно профессиональный автор Веров – Минаков. Сборник, который вы держите в руках, открывается повестью «Операция «Вирус». Само название повести способно многое сказать знатоку отечественной фантастики. Именно так, возможно, назывался бы роман братьев Стругацких, продолжающий «Обитаемый остров» и рассказывающий о том, как землянин Максим Каммерер проник в сердце зловещей Островной Империи на планете Саракш. Раньше считалось самоочевидным, что хронологически повесть находится между «Обитаемым островом» и «Жуком в муравейнике», однако у самых внимательных читателей возникал ре-

зонный вопрос: почему столь знаменитая личность, как Максим Каммерер (то, что он знаменит, выясняется в следующем романе трилогии о Максиме – «Волны гасят ветер»), практически не известен антагонисту – прогрессору с Саракша Льву Абалкину. Веров – Минаков блестяще устранил эту неувязку, разместив свою «Операцию...» между «Жуком...» и «Волнами...». Это решение потянуло за собой необычный сюжет и дало возможность автору создать свою, тоже весьма необычную, интерпретацию тайн Мира Полдня. Я не хочу лишать вас удовольствия от прочтения повести, пересказывая ее фабулу, но отмечу, что здесь Веров – Минаков показал себя как настоящий мастер слова, очень точно имитируя незабвенный стиль братьев Стругацких.

Вторая повесть сборника «Ключ к свободе» имеет подзаголовок «Научно-фантастическая сказка», и это очень точное определение, ведь в основу повествования действительно положена с детства хорошо нам известная сказка о Буратино и Золотом ключике, однако написана она в довольно оригинальном ключе (прошу прощения за каламбур). Здесь Веров – Минаков отдает дань не только приятным детским воспоминаниям, но и... киберпанку – поджанру, который много лет демонстрирует удивительную живучесть. Старая сказка в декорациях мира высоких технологий выглядит очень забавно и содержит, как и должна, урок для повзрослевших мальчиков.

Влияние старой доброй фантастики чувствуется и в рас-

сказах, вошедших в сборник. Азимов, Бредбери, Гаррисон, Саймак, Лем стоят за этими небольшими, но емкими текстами. Веров – Минаков очень бережно обращается с нашим наследием, никогда не позволяя себе перейти грань фола или пошлости.

Да, все это – «зависимые» произведения, и, для того чтобы понять и прочувствовать тонкую игру автора, вам придется хотя бы бегло ознакомиться с первоисточниками. Но кто сказал, что будет легко? Легко не будет!

Этим сборником Веров – Минаков доказал, что может писать на уровне старых мастеров. Еще один, очень важный, этап освоен. «Родимые пятна» замечены, сублимация завершена. Что нам ждать в будущем?

Ответ уже содержится в сборнике. Ведь все представленные в нем произведения, помимо прочего, являются еще и научной фантастикой. Однако это не та научная фантастика, которая процветала в эпоху Жюль Верна. Сегодня возрождение такой фантастики невозможно, да и не нужно. Перед нами – художественная литература со всеми ее необходимыми атрибутами, в которой научно-фантастическая идея и соответствующий антураж используются для того, чтобы побудить читателя к работе мысли. Здесь нет «пустышек», которые можно пробежать глазом и забыть. От вас потребуется дополнительное интеллектуальное усилие.

Значит, вектор дальнейшего творческого пути определен. И, фиксируя этот момент, Веров – Минаков приводит в сборнике ряд своих статей, посвященных теоретическим вопросам создания новой отечественной научной фантастики. В них содержится и решительный ответ критикам, которые, позабыв о законе «отрицания отрицания», уже радостно похоронили ее, и спокойный разговор о том, чем отличается настоящая научная фантастика от других направлений ли-

тературы, в них доказывается ее ценность и обосновывается необходимость возрождения. И декларации эти – не пустые слова, они уже подкрепляются делами. По крайней мере, писатель Веров – Минаков настроен очень решительно!

Что ж, в заключение остается пожелать удачи новому творческому дуэту, ведь от того, как высоко ему удастся подняться по склону литературного Олимпа, зависит, не скатится ли вся наша фантастика до уровня конъюнктурной «развлекаловки», в которой нет места для мысли, а действуют сплошные рефлексy.

Антон ПЕРВУШИН

Повести

ОПЕРАЦИЯ «ВИРУС»

*Полночь. Ни плеска волн,
Ни ветерка. Пустую лодку
Затопил свет луны.*

Догэн

*Прогрессора может одолеть
только Прогрессор.*

А. и Б. Стругацкие

4 июня 78-го года Завершение операции

И тогда Майя Тойвовна Глумова закричала. Пронзительно и страшно, как птица-невидимка в ночных пандорианских джунглях. И этот крик вывел меня из ступора. Я вдруг с безнадежной ясностью осознал, что сейчас произойдет. Не убирая «герцог» в кобуру, семенящим «боковым» шагом, будто чудовищный краб, Экселенц приближался к Абалкину. Приближался только с одной целью – добить. Произвести контрольный выстрел. Сделать ровно то, чего не сделал

ротмистр Чачу, пуская в расход некоего Мака Сима, кандидата в действительные рядовые Гвардии. Сравнение это мне не понравилось до такой степени, что я почти рефлекторно перехватил руку шефа и отнял у него пистолет. Если бы Экселенц ждал нападения, он ни в коем случае не попался бы на столь примитивный прием и, чего доброго, уложил бы меня рядом с несчастнымлевой. Тоже почти рефлекторно. Но начальник КОМКОНа-2 не был готов к предательству подчиненного. Корчась на полу – я слегка перестарался, блокируя его контрприем, – он процедил сквозь зубы знакомое: «Dumkopf, Rotznase!»

– Простите, Экселенц, – пробормотал я, – но так нельзя. Мы не на Саракше.

– Под трибунал пойдешь, – прошипел он. – Мальчишка...
– Нет, Экселенц, – ответил я, намертво задавливая в себе субординационный инстинкт. – Мне уже за сорок, и я далеко не тот лопоухий юнец, что за здорово живешь погубил сотни людей.

– Подбери детонатор, террорист, – буркнул Экселенц. Протянутую руку растерявшегося Водолея он проигнорировал.

Я поднял злополучный кружочек с «иероглифом сандзю» и, не зная куда его девать, сунул в карман. Глумова, всхлипывая, рухнула перед Абалкиным на колени.

– Успокойтесь, Майя Тойвовна, – тихо сказал я. – Стрельбы больше не будет! – добавил я уже громче, чтобы слышали

Экселенц и Гриша.

– Стояли звери... около двери, – прошептал Абалкин и потерял сознание.

4 июня 78-го года

Разбор полетов

– А теперь изволь объясниться! – потребовал Экселенц, когда мы вернулись в его кабинет. Законное место за рабочим столом он почему-то не занял. Я внимательно посмотрел на своего шефа, и мне пришло в голову, что передо мной во все не великий и ужасный Странник, бывший резидент Совета Галактической Безопасности и нынешний всемогущий глава КОМКОНа-2 – передо мной глубокий старик, у которого вдруг вышибли землю из-под ног. Сорок лет они вычеркнули у него из жизни. Сорок лет они делали из него муравья. Сорок лет он ни о чем другом не мог думать. Они сделали его трусом, и он стал шарахаться от собственной тени. И как всякий трус, он начал стрелять. Палить из «герцога» двадцать шестого калибра в олицетворение своего страха, которое когда-то ласково называли Левушкой-ревушкой... Но, похоже, то был бред моей взбудораженной совести. Ничего у него не вышибли. В следующее мгновение зеленые глаза Экселенца опять горели дьявольским огнем, а оттопыренные уши зловеще пылали на фоне картины с изображением восхода солнца над Парамуширом. Завороженный этим внезапным пре-

вращением, я почувствовал, что решимость моя улетучивается, будто жидкий кислород из расколотого дьюара.

– Ну!

Если я не сумею доказать свою правоту, он меня убьет, подумал я отстраненно. Ну и пусть, главное Абалкин жив и находится в нашем комконовском госпитале, куда не пускают посторонних, будь ты даже самим Председателем Мирового Совета. Я мысленно сосчитал до десяти и заговорил:

– Нельзя его убивать, Экселенц. Неправильно это.

– Ты еще скажи – негуманно.

– Да, негуманно, – с вызовом сказал я. – Потому что Абалкин не автомат Странников.

– Кто же он, по-твоему?

– Человек. Запутавшийся, выбитый из колеи, в конце концов – взбунтовавшийся против навязанного ему образа жизни, но человек.

– У которого есть детонатор, – вставил Экселенц.

– Да с чего вы все взяли, что это детонатор! – возопил я. – А если это все-таки элемент жизнеобеспечения? Или удостоверение личности вроде ген-индекса?

– Которое требуется предъявить первому же встречному Страннику, – продолжил шеф.

– Ну, я не знаю, что это на самом деле... Я исхожу из простого соображения, что вся эта детективная история слишком уж отвечает нашей, человеческой логике. Но даже мы не стали бы громоздить одну нелепость на другую ради со-

мнительного результата. – Я понимал, что говорю не слишком внятно и совсем неубедительно, но времени тщательно обдумать, облечь смутные свои прозрения в чеканные формулировки у меня не было. – Из чего, собственно, следует, что Абалкин – автомат Странников, у которого включилась программа? Только из того, что он отправился в Музей Внеземных культур вопреки моему предупреждению? – Экселенц засопел, но я продолжал: – А если это было обычным упрямством?! Допустим, Абалкин решил забрать свой детонатор, чтобы устранить возможность шантажа с нашей стороны. Поступок, конечно, асоциальный, но не настолько, чтобы угрожать безопасности человечества. Вы скажете, что Голован Щекн отрекся от своего друга, потому что углядел в нем нечто нечеловеческое? Но и такой вывод ровно ни из чего не следует, кроме нашей уверенности, что Абалкин – это вдруг активизировавшийся автомат Странников. Вполне возможно, что Щекну просто не понравился нерекондиционированный прогрессор. Офицер штаба группы флотов «Ц» – тот еще фрукт! Полагаю, Щекну-Итрчу хорошо известно, что делают такие офицеры, обнаружив Голована-Цзеху на расстоянии выстрела. К тому же Абалкин сам назвал причину своих метаний и своего желания во чтобы то ни стало оставаться на Земле, и мне почему-то кажется, что он не солгал. – Экселенц больше не буравил меня взглядом, ему уже стало неинтересно. – Если говорить коротко, шеф, я считаю, что мы пошли на поводу у событий, приняли в качестве

рабочей не самую продуманную версию, что, конечно, простительно в состоянии цейтнота...

– Старину Айзека можно поздравить с новым учеником, – прервал мое словоизвержение глава КОМКОНа-2. – Ну хорошо, что ты предлагаешь?

– Я предлагаю дать Абалкину шанс.

– Добраться до детонатора?

– Нет, конечно... Пусть поправляется, приходит в себя.

Тогда с ним можно будет спокойно поговорить...

– Допросить, – уточнил Экселенц.

– Если угодно, – сказал я. – Главное – узнать, что там, на Саракше, произошло.

– Так Абалкин тебе все и выложит, – проворчал Экселенц.

– Что-нибудь да расскажет... Пополним ряд наших версий.

– Это все лирика, Мак, – сказал он. – Убедительных доводов я не услышал. Операцию считаю проваленной...

– Понимаю, Экселенц, – откликнулся я. – Готов понести любое наказание.

– Не перебивай, – буркнул Экселенц. – Перед Советом отвечать мне. А ты отправишься на Саракш и проведешь официальное расследование по факту гибели выездного врача Курта Лоффенфельда. Сроку даю неделю. По истечении этой недели результаты должны лежать у меня на столе. Удовлетворительные результаты. Если они таковыми не окажутся, готовься сменить место службы. Скажем, на устье Тары. Там

у них вечный аврал. Как понял?

– Понял вас хорошо, – откликнулся я, вытягиваясь в струнку. – Разрешите приступить?

– Валяй, приступай, – отмахнулся он. – И на глаза мне лучше не попадайся.

5 июня 78-го года

Утро мудренее

Утром я справился о состоянии здоровья пациента Абалкина у дежурной госпитальной сестры. Разумеется, воспользовавшись спецдопуском. Невзирая на раннюю пору, девушка бодро сообщила, что пациент Абалкин (огнестрельное ранение) находится в кибернизированном реанимационном боксе, что состояние его хоть и тяжелое, но стабильное и шансы на выздоровление довольно высоки. Она стала перечислять какие-то сугубо медицинские показатели, но я поблагодарил ее и отключился.

Созерцая, как восходящее солнце золотит граненые карандаши тысячеэтажников, я попытался составить план дальнейших действий. Ничего путного у меня не выходило, недоставало информации. И мне позарез нужно было восполнить этот недостаток. Сидеть на Земле и ждать, пока Абалкин сможет, а главное, захочет поговорить, я не имел права. Тем более что к разговору с ним следовало тщательно подготовиться. Иначе все сведется к назойливым арти-

стичным призывам к гражданской совести Абалкина с моей стороны и к глухому запирательству – с его. Хотя, признаться, не очень-то верил в результативность официального расследования. Работа со свидетелями, если те выразят желание, чтобы с ними работали. Осмотр места происшествия – при условии, что меня к этому месту допустят. Изучение вещественных доказательств, ежели таковые отыщутся. Все эти действия носили почти ритуальный характер. Экселенцу нужно отчитаться перед Советом, Совету – перед друзьями и родственниками покойного ЛOFFенфельда. Рутинная, но необходимая процедура.

А что нужно мне? Мне нужна правда. Я верил в вельзевулову программу, якобы заложенную в «подкидышей», еще меньше Экселенца. И уж совсем не верил я, что Абалкин перестал быть человеком только потому, что его вдруг повлекло к детонатору. Кто бы не захотел увидеть эту дьявольскую штуквину, зная, что от нее зависит его судьба? Я бы обязательно захотел. И смел бы на своем пути любые препятствия. Однако таких вот общих соображений мне было уже недостаточно. Мне требовалась надежная мировоззренческая опора под эти шаткие построения. А такую опору мог предоставить только один человек – знаток запрещенной науки, криптоисторик Айзек Бромберг.

Мне в очередной раз пришло в голову, что Экселенц опять оказался хитрее, чем я думал. Ему и самому невыгодно было убивать Абалкина, так толком и не выяснив, что там на са-

мом деле произошло между ним и Тристаном-Лоффенфельдом. И теперь Экселенц готов воспользоваться ситуацией, чтобы довести это дело до конца, как настоящий контрразведчик. И возложил он эту миссию лично на меня, потому что прекрасно понимал, что проштрафившийся комконовец Каммерер будет теперь землю рыть, чтобы не столько доказать невиновность Абалкина, сколько подтвердить свою профессиональную пригодность. И про нового ученика старины Айзека Экселенц упомянул не случайно. Значит, я буду не одинок. Не люблю быть одиноким. Особенно в драке. Саракш начисто отбил у меня охоту оставаться с глазу на глаз с неизвестным, неуловимым, но беспощадным противником.

5 июня 78-го года

Новые горизонты

Бромберг жил в небольшом доме на правом берегу Исети в тихом малоэтажном районе. Дом этот, видимо, был местной достопримечательностью: мощный бревенчатый сруб под тесовой крышей, окруженный глухим высоким забором с широкими воротами, в которые врезана узенькая калитка. В соответствии с указанием на жестяной табличке, выполненном на трех языках, включая тагорянский, я потянул на себя кованое железное кольцо и оказался в просторном дворе.

Хозяин встретил меня на крыльце, проводил в дом. Во-

преки ожиданиям, изнутри это «жилище отшельника» выглядело вполне современным. Мультимебель, Линия Доставка, терминал БВИ, кристаллотека и тепловой конвертор вместо полагающихся в избах лавок по стенам, полатей, подовой печи и прочих ухватов с ушатами. Большую часть этого «дома-оборотня» занимала библиотека. У меня в глазах зарябило от позолоты на тисненых корешках. Судя по латинским, английским, немецким, французским и, кажется, японским названиям – все это были труды по истории науки, изданные еще до Второй НТР, то есть до всеобщего переноса знаний на цифровые носители.

Железный старец предложил мне кофе. Мы расположились на кухне, у низкого кофейного столика, в удобных плетеных креслах, и несколько минут молча наслаждались превосходно приготовленной арабикой. Бромберг не выглядел теперь сердитой взъерошенной вороной, коей предстал прошлой ночью. Передо мной был солидный университетский профессор. Крохотную кофейную чашку он держал с аристократической небрежностью – оттопырив мизинец и слегка на отлете.

Едва опустошенные чашки упокоились на расписном подносе, Бромберг пригласил меня в кабинет. В его «избе-читальне» было только две комнаты, что по нынешним временам верх аскетизма, и кабинет оказался гораздо обширнее спальни, насколько я сумел заметить через приотворенную дверь. Проклятая профессиональная привычка изучать об-

становку! Хорошо, что большинство людей не замечает, как я осматриваюсь в их жилище, иначе бы меня перестали звать в гости. На Саракше привычка эта не раз спасала мне жизнь, на Земле она, к счастью, срабатывала почти исключительно вхолостую.

– Итак, – сказал профессор, – не прошло и двух суток, как вы вспомнили о старом дураке Бромберге...

Начало разговора мне не понравилось. Вернее, не мне, а мелкой комконовской сошке, присланной выжившим из ума Сикорски приобщиться к истинному знанию, коим трижды лауреат Геродотовской премии всегда готов поделиться. Не ради спокойствия «тайного тюремщика идей», но ради общего блага. Разумеется, ничего подобного Бромберг не сказал, но это читалось в его глазах. Меня такой зачин вполне устраивал, и я поспешил уверить «старого дурака» в своем глубоком к нему почтении.

– А, бросьте, – отмахнулся Бромберг. – Вы бы и не вспомнили обо мне, если бы не зашли в тупик.

Я не стал спорить, но и вдаваться в подробности не спешил. Мне хотелось, чтобы Бромберг сам вывел разговор на интересующую меня тему.

– И тупик этот, без всякого сомнения, называется проблемой Странников, – констатировал он. – Я бы сказал, пресловутой проблемой пресловутых Странников.

Такое продолжение меня тоже вполне устраивало. «Мелкую комконовскую сошку» – тем более. «Сошка» горестно

вздохнула и развела руками. Тупик, дескать, куда деваться.

– Так я и предполагал, – величественно изрек криптоисторик. Темные библейские глаза его заискрились вдохновением.

Мы с «сошкой» заранее раскрыли рты и старательно развесили уши.

– А известно ли вам, молодой человек, что проблема эта появилась задолго до дела подкидышей? – возгласил Бромберг. – Собственно говоря, она возникла в тот момент, когда астрофизик Шкловский, великий ученый двадцатого столетия, выдвинул гипотезу, что спутники Марса искусственного происхождения. Гипотеза эта, как известно, блестяще подтвердилась, едва экспедиционный корабль Следопытов пришвартовался к Фобосу. Разумеется, в тот момент никто ни о каких Странниках и не подозревал. Никто не ведал о них и тогда, когда возникло предположение, что развалины так называемой Старой базы на Теплом Сырте не имеют отношения к человеческим поселениям. Когда группа Опанасенко – Моргана обнаружила тоннельный город из янтарина, проблема Странников уже вполне созрела, но еще не обрела своего зловещего смысла. Это был период счастливого неведения, длившийся без малого столетие. Даже открытие искусственных янтариновых спутников Владиславы свидетельствовало лишь о количественном разрастании проблемы. К Странникам относились с почтительным восторгом, который был в известном смысле подпитан тем самым на

редкость своевременным открытием Убежища на Радуге.

В отличие от меня, «сошка» ни о каком Убежище слыхом не слыхивала... Да и откуда?

– Из школьного курса космической истории, молодой человек, – ядовито пояснил Бромберг. – Впрочем, не исключено, что сейчас плохо преподают космическую историю. Иначе бы вы знали, что буквально за полчаса до катастрофы «кроты», прокладывая шахту под противоволновое укрытие, наткнулись на тоннель, который вел в глубь литосферы. Тоннель, само собой, был сооружен из янтарина, и благодаря ему спаслось почти все оставшееся на планете население Радуги. В эйфории счастливого избавления от гибели никто и не обратил внимания на тот малозначительный на черном фоне Волны факт, что, по данным глубинного планетологического зондирования, никаких сколько-нибудь обширных пустот в этом районе материка не было и быть не могло. Я читал мемуары тогдашнего главы планетологической службы Радуги Анатолия Первенцева, он иначе как чудом внезапное и более чем своевременное обнаружение Убежища в толще материковой коры и не называл. Это было первым, но далеко не последним звоночком, оповещающим, что дело Странников живет и побеждает. Следующим звоночком стал сейчас уже совершенно забытый «казус двух лун».

«Сошка» на пару со мной вопросительно задрала брови: «Это еще что такое?»

– Ну, об этом ни в каких учебниках наверняка ничего не сказано, – пронизательно заметил Бромберг. – Даже из последнего издания «Истории Посещения», написанной ныне покойным Паком Хином, вымарали соответствующую главу. За лженаучное мракобесие, надо полагать. Так вот, молодой человек, спустя всего пятнадцать лет после событий на Радуге за одну ночь Марс потерял и вновь приобрел свои знаменитые луны. Первым перестал наблюдаться крохотный Деймос. Автоматическая обсерватория на Фарсиде зафиксировала совершенно необъяснимое с точки зрения небесной механики затмение этого спутника. «Затмение» длилось не более трех часов, после чего Деймос вновь засиял в марсианских небесах. Но почти сразу вслед за ним исчез и Фобос. Вторая луна Марса отсутствовала более пяти часов. Причем отсутствовала в прямом смысле этого слова, так как сейсмографы на поверхности красной планеты зафиксировали временное прекращение воздействия гравитации Фобоса на планетарную кору. По возвращении на законное место второй луны-беглянки на ее поверхность высадились археологическая экспедиция с целью выяснить природу небывалого астрономического феномена. Каково же было удивление археологов, когда обнаружилось, что вернувшиеся Фобос и его меньшей братец Деймос представляют собой самые обыкновенные астероиды, позаимствованные, очевидно, из одноименного Пояса. Никаких следов предыдущих экспедиций. Более того, ни малейшего намека на искусственное про-

исхождение.

Бромберг умолк, вероятно, чтобы перевести дух. Я сходил на кухню и принес ему остаток кофе.

– Благодарю, – пробормотал знаток запрещенной науки. – Так вот. Временное отсутствие, вернее замена, Фобоса имело еще одно последствие. В районе Северного полюса Марса произошел мощный тектонический сдвиг, в результате которого тоннельный город из янтарина был погребен под миллионотонным базальтовым щитом. Имейте в виду, юноша, что тектоническая деятельность на Марсе прекратилась около миллиарда лет назад! То есть этот сдвиг, скорее всего, еще одна проделка Странников, «приуроченная» к исчезновению Фобоса. А потом началась самая настоящая зачистка следов пребывания Странников в нашей Вселенной! Искусственные спутники Владиславы без всякой видимой причины сошли с орбиты и утонули в углеводородном океане планеты. Перестало существовать и спасительное Убежище на Радуге. Причем столь же внезапно, как и появилось. Царька на Сауле хватил апоплексический удар, ибо Машины исчезли. Даже сторожевой спутник-невидимка на орбите Ковчега пропал. Покопайтесь, молодой человек, в архивах КОМ-КОНа-1, и вы найдете еще много любопытного на этот счет. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, скажу, что волна этой «зачистки» началась незадолго до того, как группа Фокина обнаружила тот самый злополучный эмбриональный сейф с тринадцатью подкидышами. С этого момента пробле-

ма Странников перешла в следующую фазу, самую интересную.

Я вспомнил залитое кровью лицо Абалкина, сведенные к переносице зрачки Майи Глумовой, бесстрастные глаза Экселенца – глаза профессионального убийцы, и мне захотелось сказать этому «трижды лауреату» что-нибудь язвительное. Однако я был на службе, и смоделированная мною «мелкая комконовская сошка», как писали в старинных романах, вся обратилась в слух.

– Да, самую интересную, – повторил Бромберг, – ибо Странники перестали притворяться подернутым пылью веков археологическим артефактом, но почти открыто заявили о себе как о цивилизации, отнюдь не утратившей творческой активности. И если эксперимент с машинами на Сауле был лишь пробным шаром, то тотальная эвакуация населения Надежды – это масштабное вмешательство в дела иной цивилизации, по сути – самая настоящая прогрессорская акция. Кстати, обратите внимание, молодой человек, и обитатели Саулы, и аборигены Надежды – гуманоиды, чья ДНК идентична человеческой. То же самое можно сказать и о разумных существах, населяющих Гиганду, Румату, Саракш. Не понимаю, почему до сих пор этот факт не был обнародован КОМКОНОм-1? Это же вопиющая бессмысленность с точки зрения даже вульгарного дарвинизма, не говоря уже о современных воззрениях на биогенез! Ну не станут эволюционные процессы идти сходным образом, пусть и на земле-

подобных мирах! Лишним доказательством тому могут служить обитатели Тагоры, Леониды и Ковчеха...

«Сошка» наострила уши, а я вспомнил одну прогрессорскую байку, крайне популярную у новичков. Байка эта гласит, что несчастного Антона Прянишникова, он же Румата Эсторский, турнули из Наблюдателей вовсе не из-за резни, которую он устроил во время Арканарского кризиса, а из-за того что убитая арбалетным болтом его подруга Кира оказалась беременной. Тогда еще действовал запрет на сексуальные отношения между полевыми сотрудниками Института экспериментальной истории и представителями противоположного пола с иных планет. Запрет этот был снят специальным решением КОМКОНа-1 как вредный для физического и душевного здоровья прогрессоров.

– Я уж не говорю о том, что различия между цивилизацией Земли и цивилизациями других человеческих миров лишь количественные, но не качественные, – продолжал вещать Бромберг. – У нас нуль-Т и «призраки», у них осадные мортиры, стреляющие каменными ядрами, и атомные субмарины. Не думаю, что наши мыслители не в состоянии сделать элементарного вывода: Землю, Саулу, Румату, Гиганду, Надежду и Саракш населяют не человекоподобные, а просто – люди! Вам известно, молодой человек, сколько за последние столетие родилось детей от смешанных «межпланетных» браков? Нет. А мне известно. Более полутора сотен! Причем около десяти процентов из них стали плодом любви

между представителями Саулы и Саракша, Руматы и Гиганды, Гиганды и Саулы и так далее. Детей могло бы быть гораздо больше, существуй между этими мирами непосредственные контакты, которые невозможны в силу их технической отсталости. Поэтому, как правило, такие браки заключаются на небесах, то есть на нейтральных мирах или на Земле, где аккредитованы эти, с позволения сказать, инопланетяне...

Бедная Рада, подумал я. Она так хотела, чтобы у нас были дети. А я как последний остолоп твердил ей, что это невозможно, что мы генетически несовместимы. Но ведь я тогда искренне в это верил. Откуда было мне знать, что она не более инопланетянка, нежели уроженка какой-нибудь Новой Гвинеи? И все-таки статистику этого криптосексолога не мешает проверить. А заодно проверить, не остался ли где-нибудь в бывшей Стране Отцов Каммерер-младший? Ведь о судьбе Рады мне известно лишь то, что она исчезла без вести в котле Береговой блокады. Отправил любимую женщину на морской курорт, идиот... Перед разлукой Рада была необычайно задумчива и бледна, но я не обращал на это внимания. Я был полностью поглощен идеей контакта с лесными упырями, голованами то бишь, хотя никто их тогда так не называл... А ведь она все порывалась мне что-то сообщить, но так и не успела. Мы должны были увидаться уже через неделю, но через неделю Странник отправил меня в срочную командировку за Голубую Змею, где я впервые увидел Абалкина. Да что Абалкина, там я познакомился с самим Комовым,

и мне стало не до Рады. Вернувшись, я узнал, что единственный в Стране Отцов чистый в экологическом смысле курорт «Синий берег» захвачен массированным десантом Островной Империи и что мирные жители либо зверски истреблены, либо взяты в плен и вывезены в Архипелаг. Раду искали. Я упросил Странника дать мне несколько человек из боевиков-подпольщиков, и он дал, хотя и с большой неохотой. Мы сумели прорваться внутрь блокадного котла, мы перевернули там все вверх дном, мы даже попытались проникнуть в концлагерь, где содержалось гражданское население, но напоролась на засаду. Огонь был такой плотности, что из всей нашей группы в живых остался лишь я один.

– Вы спросите, молодой человек, какое отношение эти амурно-эволюционные дела имеют к проблеме вмешательства Странников в развитие гуманоидных цивилизаций? Самое прямое! Если мы признаем в обитателях всех этих миров не просто гуманоидов, а наших генетических братьев, то будем просто обязаны оградить их от воздействия Странников. Кем бы они ни были! Посмотрите, что получается. Вчера была Надежда, сегодня, например, Саркаш, а завтра, глядишь, и Земля! Вам нравится такая перспектива? Мне – нет!

Закончив пламенную речь, доктор Бромберг посмотрел на меня так, словно это я обязан немедленно, не сходя с этого места, оградить братьев по разуму от пагубного воздействия Странников. «Комконовская сошка» была готова на все. Ирвение ее оказалось столь заметно, что профессор Бромберг

изволил снисходительно добавить:

– Возвращаясь к истории с Александром Дымком, следует сделать один вполне логичный вывод. Несомненно, что Фокин обнаружил сейф с человеческими эмбрионами, но также несомненно, что адресован этот сейф вовсе не нам. Мы случайно наткнулись на теплицу с рассадой для новой земледобной грядки. И вся эта возня, затеянная нашим могучим, но недалеким Руди вокруг детонаторов и подкидышей, – не более чем трагифарс с доставленной не по адресу посылкой.

И опять моему взору предстал окровавленный кроманьонец Абалкин, но желания сказать велеречивому криптоисторику что-нибудь язвительное у меня теперь не возникло. Жаль, что ничего нового я от него так и не услышал. Теперь осталось лишь откланяться. И все-таки что-то мешало мне вот так сразу подняться и уйти. Что-то мелькнувшее в его длинном монологе, засевшее в мозгах, как заноза...

– Скажите, доктор, – проговорил я. – А почему вы упомянули именно Саракш? «Вчера была Надежда, сегодня, например, Саракш...» Не ради же красного словца!

Айзек Бромберг презрительно фыркнул.

– Да уж, конечно... Вам, естественно, незнакома работа Синоды, где он сравнивает технологию, по которой изготовлены Машины-на-Сауле, и ту, что положена в основу излучателей в Стране Отцов. Так вот, в обоих случаях использован неизвестный нам принцип самовосстановления базовых элементов конструкции. Обратитесь в БВИ, эта работа

лежит в свободном доступе. А после того как ознакомитесь с нею, пораскиньте мозгами, где еще на Саракше, кроме Страны Отцов, Странники могли бы применить свои социотехнологические новации?

На прощание Бромберг, довольный, что ему удалось утереть нос личному телохранителю самого Сикорски, подарил мне небольшую брошюру.

– Ознакомьтесь, юноша, – сказал он. – Так сказать, для общего развития. Любопытная, знаете ли, реконструкция...

Я поблагодарил старика самым почтительным образом, сунул подарок в карман и ретировался.

Документ 1

Анизотропное шоссе

Заключенный № 819360 лежал ничком, уткнувшись в плоский вонючий тюфяк, набитый сгнившей соломой. Ночной барак был наполнен привычными звуками: храп, стоны, лунатический шепот и глухие вскрики вымотанных многочасовой тяжелой работой людей. Запахи тоже были привычными, но от них все равно мутило. Тюфяк, на котором заключенный провел столько ночей, казалось, вонял чуть меньше.

«Послезавтра мы уйдем, – думал № 819360. – Хватит. Натерпелись. Только бы прорваться в горы, к партизанам... Жаль, не выйдет прихватить с собою этого дятла, Андрюху. Там мы бы с ним поговорили... Но добровольно он не пой-

дет, а силой не поволочешь, хай поднимет...»

Тонкая, почти бесплотная рука коснулась плеча заключенного. Он поднял голову, до рези в глазах всматриваясь в расплывчатое пятно незнакомого лица.

– Кто тут?!

– Тихо, – проговорил незнакомец. – Я номер 634120. Меня зовут...

Но 819360-й уже узнал его. Это был Стефан Златков, болгарин, бывший студент-физик. От голода и непосильной работы он слегка повредился рассудком. В подпольном комитете знали, что на свободе студент помогал партизанам, изготавливал мины-ловушки. Немало фашистов покалечилось на них, прежде чем во время очередной облавы Златкова схватили. Хороший парень, правильный. Досадно, что не выдержал...

– А, это ты, Шизик, – проговорил № 819360 сквозь зевоту. – Чего тебе? Жратвы у меня нет.

– По правде сказать, я не Шизик, – ответил ночной гость. – У меня только его внешность.

– Знаешь, хефтлинг, – сказал заключенный, – неохота мне хавать эту туфту. Вали отсюда...

– Внимательно выслушайте меня, Савел Петрович, – сказал «Шизик». – Времени мало, а дело весьма важное!

– Какой еще Савел Петрович... – отозвался 819360-й. – Ты меня с кем-то путаешь, доходяга...

– Неважно, – сказал «Шизик». – Я хочу помочь вам бе-

жать.

– А перо в бочину не хочешь?! – прошипел заключенный.

– Бросьте, товарищ Репнин, – сказал «Шизик». – Сейчас маска уголовника вам не нужна. Тем более что ваше настоящее имя и звание знает осведомитель Пересмешник. Это очень опытный осведомитель. Его специально переводят из лагеря в лагерь, чтобы разоблачать таких, как вы, Савел Петрович.

– Андрюха, сука... – процедил сквозь зубы Репнин. – Заваляю...

– Увы, Савел Петрович, – проговорил ночной гость. – Ни вам, ни кому-либо еще это не удастся. Пересмешник благополучно переживет войну. У него будет семья, дети. Его сын станет большим человеком у себя в стране.

– В какой еще стране? – насторожился Репнин. – В СССР?

– Нет, не в СССР, – ответил «Шизик». – Но это сейчас неважно. Перейдем к делу. И прошу меня больше не перебивать. Завтра, когда вас поведут в каменоломню, у одного из конвоиров случится приступ. Боль будет очень резкой. И вы, Савел Петрович, сумеете вырвать у него автомат...

Высокий, худой, с желтым лицом язвенника конвоир Ганс выпучил глаза, обхватил руками живот и присел на корточки. Это был тот самый момент, о котором толковал явившийся во сне хефтлинг. Саул отпихнул бредущего впереди гуцула, подскочил к Гансу, рванул «шмайссер». Солдат по-

пытался удержать оружие, но Саул пнул его в лицо.

– Хальт! – проорал другой конвоир и в следующее мгновение тоже согнулся пополам: от выпущенной заключенным очереди.

Ряды конвоируемых смешались. Надо было пользоваться суматохой, пока остальные охранники не опомнились и не положили мечущихся хефтлингов мордами в дорожную грязь. Саул наклонился и быстро обыскал стонущего Ганса. Запасные обоймы. Нож. Паек. Фляга. Солдат что-то цедил сквозь зубы, но сопротивляться не смел.

– Зденек, Ванька, Шимун, Жан! – выкрикнул Саул. – За мной!

Он первым кинулся в придорожный лес, зная, что остальные последуют за ним. Ветки хлестали по лицу, обрушивая ливень росы. Это было счастьем. Впереди – свобода. Настоящая борьба, а не осторожное, с непрерывной оглядкой, сопротивление лагерному режиму. Корни подворачивались под ноги. Саул ушиб большой палец, выглядывающий из дырявого говнодава. Но эта боль тоже казалась счастьем. Крики и редкие выстрелы, доносившиеся со стороны шоссе, стихли. И теперь окрестные леса наводнены беглыми заключенными. Хотя большинство осталось, а те, кто рискнул, вскоре будут пойманы. Или – убиты. Выдохшись, Саул остановился, прислонился к березовому стволу, перевести дух и дожидаться своих. Через несколько минут они появились. С разных сторон. Трое.

– Где Зденек?! – спросил Саул. – Отстал?

Француз Жан покачал головой.

– Убили. Краузе притворилсядохлым, а когда Зденек наклонился – обыскать, бош полоснул его по горлу...

Жан показал ээсовский кортик, которым штурмфюрер Генрих Краузе весьма гордился.

– Ясно, – проговорил Саул. – Ладно, уходим к перевалу. Там переночуем. Утром попытаемся пробраться к партизанам...

Но до перевала они не дошли. Через десяток километров беглецы вновь вышли на то же самое шоссе, широкой дугой огибающее лесной массив. И сразу услышали треск моторов. На этом участке шоссе хорошо просматривалось. Впереди и сзади блестящего черным лаком «Опель-Капитана» катило два мотоциклета с охраной. Конечно, следовало бы переждать, пока фрицы отъедут подальше, а потом пересечь шоссе. Но вражеской крови, пролитой несколько часов назад, оказалось слишком мало, чтобы утолить многодневную жажду мести. Саул не успел остановить Жана, и тот выскочил прямо на дорогу, в упор расстреливая солдат на переднем мотоцикле. Немедленно ударил пулемет со второго мотоцикла. Жана отбросило к обочине.

Теперь уже нельзя было не принять бой. Саул и Ванька, молодой солдат, попавший, как и Репнин, в плен подо Ржевом, прикончили фрицев на втором мотоцикле. Пожилой чех, пан Шимун, метнул гранату под колеса «опеля». Грох-

нуло. Автомобиль пошел юзом и опрокинулся набок. Воодушевленный успехом, пан Шимун бросился к нему и был сражен выстрелом из пистолета. Крикнув Ваньке «Ложись!», Саул залег сам, перекатился, укрылся за телом убитого чеха. Немец в опрокинутом «Опеле» стрелял великолепно. Нельзя было поднять головы. Саул принялся считать выстрелы, но бросил это занятие, сообразив, что у гада есть запасные обоймы. Крыша автомобиля защищала немца от автоматных пуль. Оставалось только подобраться поближе и прикончить фашиста через лобовое стекло. «Дядя Савел, я щас!» – крикнул Ванька и бодро, по-пластунски, пополз к «Опелю». Выматерившись, Саул отстегнул опустевшую обойму, потянул из-за пояса полную. И в это мгновение выстрелы стихли.

Не веря своим ушам, Саул поднял голову. Действительно – тихо! Со своей позиции он не мог разглядеть, что творится у самой машины. Саул кинулся к «Опелю». Ноги Ваньки торчали из машины и были неподвижны. Немец тоже не подавал признаков жизни. Саул присел на корточки и подергал земляка за деревянный башмак: «Эй, ты чего?!» Никакой реакции. Тогда Саул вытащил Ваньку за ноги. Арестантская роба на его спине была продырявлена в нескольких местах. Кровь едва сочилась из дыр. Саул просунул ствол «шмайссера» в разбитое лобовое стекло и дал короткую очередь. После чего заглянул внутрь. Его выстрел был лишним. Рядовой пехотного взвода Иван Соболенок задушил немца раньше, чем успел умереть. Рядом с фашистом лежал туго набитый порт-

фель. Саул выволок его, отстегнул клапан, заглянул внутрь. Бумаги. Серые картонные папки с ненавистным орлом. Саул закрыл портфель и услышал шум приближающихся машин. Больших трехосных грузовиков. Пора было уходить...

7 июня 78-го года

Саракш. Полярная база

Скрып-скрып, скрып-скрып – монотонно поскрипывал снег под лыжами. Хорошая лыжня у местных «полярников», накатанная. Сразу видно, что начальник базы заботится о том, чтобы подчиненные поддерживали себя в надлежащей спортивной форме. И воздух тут ничего – не душное радиоактивное, кислородное марево, что в джунглях за Голубой Змеей, и не теплый смрад переполненной людьми Столицы. И тем более не миазмы Гнилого моря. Чистый воздух. И холодный. Даже через маску – холодный.

Вскарабкавшись на гребень, я остановился. С помощью подмышки высвободил руку из внушительной рукавицы и убавил подогрев моих шкур. Восстановил дыхание. Отсюда, сверху, база напоминает распахнутую шкатулку с россыпью драгоценностей. Сияют круглые окна приземистых зданий, отсвечивает матовая броня яйцеобразных ботов, рядами стоящих на площади перед главным корпусом. На одном из них, кстати, и прибыл сюда Абалкин. Синеют наметенные вчерашней метелью сугробы. В отдалении различимы угрю-

мые конусы «призраков». Я не вижу, но знаю, что по их словно покрытой длинной шерстью «шкуре» идет медленная, тягучая пульсация – от вершины к основанию...

А над головой – звезды. Звезды на Саракше – это да. Это как лед на Солнце или нерекондиционированный прогрессор – на Земле. Атмосфера здесь менее плотная, рефракция почти нулевая – благодать. Удачно прибыл – аккурат в первый день Зимнего антициклона. Над головой, в зените, естественно, – Треугольник, созвездие, которое могло бы указывать путнику направление. Если бы здесь встречались путники.

Массаракш, сколько сил было когда-то затрачено у нас на Земле, чтобы достигнуть полюсов, водрузить флаг и сказать: я сделал это, значит, я победил. Какие жертвы, какие славные в своей бессмысленности смерти! Амундсен. Нансен. Кук. Обитатели Саракша, сколько мне известно, никогда сюда особенно не рвались. Космогония, чтоб ее. Мир, молодой человек, поучал дядюшка Каан, не просто пузырек, а эллипсоид. Вы там, в горах, знаете, что такое эллипсоид? Прекрасно. Так вот, участки поверхности напротив больших полюсов, будучи более удалены от Мирового Света, получают, соответственно, меньше тепла. Что? Сезонные колебания температуры в умеренных широтах? Мировой Свет, юноша, не стоит на месте, он медленно дрейфует, словно маятник от одной точки эксцентриситета к другой...

До сих пор удивляюсь, как я не сошел тогда с ума. Навер-

ное, я и вправду достаточно бесчувственная личность. И самое место мне в нашем родном КОМКОНе-2, и именно под началом Рудольфа Сикорски, еще более бесчувственного и мерзкого рыцаря плаща и кинжала.

Я снова встал на лыжню и плавно заскользил вниз: трасса аккуратно огибала торосы и скопления ледяного крошева. Сугробы на базе еще не убраны, а лыжню – вот, пожалуйста, накатали...

И все же при такой фатасмагорической космогонии они ухитрились прицельно метать ядерные фугасы. С высокой точностью. Как любил шутить покойный, увы, принц-герцог, синус у военных всегда был больше единицы, а во время Бойни и до пяти зашкаливал. Стоп, сказал я себе. А ведь ты начал «вживаться» в Саракш. Вживаться – словечко сугубо прогрессорское, точно обозначить смысл его нелегко, но начинается «вживание» всегда с таких вот ненавязчивых мыслей. А значит, некий Максим Каммерер, инспектор-дознатель по делу о гибели Курта Лоффенфельда, нечувствительно для самого себя пришел к выводу, что недельной командировкой на Саракш он у Экселенца не отделается.

Небо расколола лиловая вспышка, лиловый сменился синим, синий – розовым, и пошло-поехало. Яростные сполохи отражались от всего этого снежно-ледяного великолепия так, что в глазах рябило. Невзирая на защитные очки. Положительно, Саракш приветствует меня как старого, но не слишком чаемого знакомого, фальшиво улыбаясь, неесте-

ственно подмигивая и вообще всячески изображая радость. А между тем ясности у инспектора-дознателя КОМКОНа после работы с персоналом базы не прибавилось. Зато прибавилось головной боли.

Инспектор-дознатель Максим Каммерер вошел в кабинет начальника Полярной базы, держа на лице хмуро-сосредоточенное выражение большой комконовской шишки. Чтобы ясно было сразу, что инспектор сей – чиновник крутой, дознание намерен провести строгое и спуска, если что, никому не даст. Так. Обстановка в кабинете самая что ни на есть аскетичная. Голые стены, по всему периметру выстроены кресла, надо думать – для совещаний. Подковообразный стол, оснащенный всяко-разными пультами и мониторами. Видефон. В углу – сейф, на сейфе – кристаллотека. В другом углу – кадка, из кадки торчит уродец, листьями напоминающий пальму, а стволом – баобаб с зеленоватой корой. От уродца исходит едва различимый горько-пыльный аромат. Какой-то мутант из-за Голубой Змеи, не иначе.

Начальник базы, некто Джонатан Вовид, оказался крупным мужчиной лет пятидесяти. Длинные волосы его были собраны на затылке в хвост и, судя по сальному блеску, не мыты по крайней мере несколько недель. Обрюзгшее лицо еще хранило остатки той красоты, которую в дрянных книжках принято называть «ангельской». Инспектор Каммерер убрал мысленно лишнюю дряблость и морщинистость, дорисовал нежный юношеский румянец на щеках, чуть увеличил

глаза – для чего пришлось уменьшить опухлость век, а ресницы у Вовида и так были длинные, аки у девицы. И томный взгляд. Хм. Интересно...

Грозный вид инспектора, похоже, не произвел на Вовида решительно никакого впечатления. Начальник базы неторопливо переменял позу на менее ленивую и указал перстом на одно из кресел. Можно было подумать, что гибель выездного врача базы и провал ключевого резидента для него событие столь мелкое и незначительное, что нет никакого смысла отрывать его, Вовида, от множества важных дел. Инспектор Каммерер с каменным лицом придвинул кресло поближе к столу.

– Прилетели все-таки, – скорее пробормотал, чем сказал Вовид. – А я все изложил в отчете. Валяйте уже, задавайте ваши вопросы... инспектор.

А ведь ты боишься. Чего-то ты боишься, засранец, что-то скрываешь за дешевой бравадой. Ничего, сейчас ты у меня и споешь, и спляшешь.

– Довожу до вашего сведения, Джонатан, – процедил сквозь зубы инспектор-дознаватель, – что я наделен самыми широкими полномочиями. Самыми широкими. Поэтому не будем валять комедию.

– Не будем, – ерническая искра промелькнула в томных очах Вовида. – Но мне нечего добавить к...

– Расскажите, – перебил его Каммерер, – желательно в подробностях, обстоятельства прибытия Гурона на базу. А за-

тем – убытия.

Ничего сверхинтересного, оказывается, в этих обстоятельствах не было. Это, оказывается, мы там, на Земле при всяком ЧП начинаем бегать по стенам и заседать в Мировых Советах. А это, оказывается, Саракш, и прогрессоры – это прогрессоры. И гибнут они, вообразите, иногда. Но если очень интересно...

Инспектору Каммереру было интересно. Оказывается, сам момент прибытия он, Вовид, не наблюдал, но, по словам очевидцев, Гурон вывалился из бота прямо в форме имперского офицера, сплошь изгвазданный в грязище и кровище. Потребовал горячей ванны и гражданской одежды. Потом был осмотрен врачом базы Анной Лотошиной, которая и констатировала психический спазм. Далее его отправили на Землю первым рейсовым – по его же личной и настоятельной просьбе. Вот и все.

Я терпеливо слушал весь этот бред, хотя ясно же, что Вовид врет и изворачивается. При этом плевать ему с высокой башни ПБЗ на мою грозную маску всемогущего инспектора. Или... Что же такого успел натворить Левушка-ревушка на Полярной базе? О! У инспектора Каммерера, оказывается, есть мнение на этот счет.

– Джонатан, вы отправили на Землю не прошедшего рекондиционирование прогрессора?

Неопределенное движение головой и бровями, мол, а ты чего хотел?

– Находящегося в состоянии психоспазма?

То же движение.

– И сделали это только потому, что он об этом попросил?

Я могу поговорить с врачом Анной Лотошиной?

– Увы, не самое подходящее время. Она несколько нездорова.

Ахнуть бы сейчас кулаком по столу да рявкнуть: «В глаза смотреть, тараканья немочь!» Или хотя бы вот так...

– Вовид, кажется, ваш сын – практикант КОМКОНа?

– Да, а какое...

– Переводчик миссии народа голованов, – уже утвердительно сказал инспектор, а я мысленно перевел дух.

Бедный, бедный Александр Б.! Кто бы подумал, что у столь милого и любезного юноши окажется такой неразговорчивый родитель?

– Да, но какое отношение это имеет...

– Может быть, и не имеет. А может быть – наоборот, – я постарался выговорить сие как можно более многозначительно. И даже весьма зловеще. Проклятая профессия.

– Только не надо меня пугать!

Ага, вот мы уже и повышаем тон.

– Вы, – для убедительности инспектор Каммерер даже привстал и таки нет, не стукнул, но хлопнул ладонью по столу, – совершили должностное преступление, Джонатан. В итоге на Земле произошло несчастье. Серьезное несчастье. Давайте договоримся – или вы сейчас выкладываете мне все

как есть, или я перетряхну вашу базу сверху донизу, но выясню правду! И если вы думаете, что я не сумею...

Лик Вовида внезапно сделался плаксиво-растерянным. Оказывается, Абалкин был шифровальщиком имперского военного флота (очень ценная, однако, информация). Оказывается он, Вовид, не знает более омерзительного государства во всей обитаемой Вселенной, нежели Островная Империя на планете Саракш... а имперское адмиралтейство, говорят, самое омерзительное учреждение в этом государстве. Наши бедные прогрессоры из кожи лезут вон, пытаются сделать эту клоаку хоть немного лучше, но клоака остается клоакой, а прогрессоры... прогрессоры делаются хуже. Да что там хуже – они становятся опасными. Да вы не понимаете, что такое имперский офицер на грани спазма...

Я не перебивал его, пусть выговорится. Ежу понятно, что все эти дни бродил в душе начальника базы ужас. Тщательно загоняемый внутрь, подальше от самого себя в первую очередь, а потом уж – от подчиненных. А теперь прорвало. Все мне было уже понятно, но от понимания этого легче не делалось. И подумалось мне ни с того ни с сего: а на кой черт мы вообще занимаемся прогрессорством? В глобальном смысле. То есть помощь братьям нашим по разуму, развитие... Жизни кладем, наставляем, спасаем. И вот какая-нибудь тебе Островная Империя говорит: «О! Спасибо, друзья. Д-принцип? Давайте Д-принцип. Бластеры-скорчеры-лазеры? Давайте! Все сюда давайте! А мы уж вам устроим

десант группы космофлотов «Ц». Прямо на Землю-матушку. Ибо все наше прогрессорство еще ни разу не привело к появлению у аборигенов чего-то хоть отдаленно напоминающего Высокую Теорию Воспитания. И нет никаких признаков, что приведет.

Шутки шутками, но столкнись Земля с цивилизацией развитой, но агрессивной, что тогда? Правда, все светила ксенологии, социологии, социократии и прочая, и прочая утверждают дружно – мол, невозможно. Несовместимы, мол, высокое развитие и нехорошие наклонности. Только знаем мы случаи, когда и светила ошибались. Чисто умозрительно – это ведь воевать придется. Никаких прогрессоров нам не хватит, если воевать. А с такими вот бойцами, как Вовид, много не навоюешь. Да и хватит цепляться к Вовиду. Человек как человек, разве что – в крайнем градусе нервного одушевления.

И лишь когда Вовид пошел по третьему кругу, я произнес:
– Одним словом, он вас вынудил.

– Пистолет. Имперский офицер с пистолетом – вы такое можете представить? Да на вас когда-нибудь наставляли оружие? Вы там, на Земле, понимаете, что это такое, когда движение пальца – и тебя нет?!

– На меня, Джонатан, не только наставляли, – негромко произнес я. Уже не инспектор, а просто я. – Меня даже расстреливали.

Казалось, что начальник базы сейчас заплачет.

– Так вы...

– Я Каммерер.

Вовид лишь воздел очи горе.

Лев Абалкин, прогрессор нового поколения. «Лева, вас убьют!» – «Это будет не так-то просто сделать». Ведь он был вооружен. Все это время – и когда явился к Экселенцу, и когда вырубил меня на площади Звезды, и там, в музее, он был вооружен. Как ни странно, я испытывал сейчас что-то вроде облегчения. То, что произошло между Абалкиным и Сикорски, следовало считать дуэлью. И кстати, я слышал ТРИ выстрела... Что ж, теперь бы разобраться, что произошло между Абалкиным и Лоффенфельдом.

– Скажите, Джонатан, – произнес я как можно мягче, – медосмотр Абалкина не выявил никаких... странностей?

– Да-да, сейчас. Я припоминаю... Аня сказала – странно, как он вообще мог работать. Но она была в шоке, я не придал значения... Он убил кого-то? ТАМ?..

– Нет, не успел, – совершенно искренне ответил я.

– Слава небесам...

– Абалкин прибыл на персональном боте Тристана?

– Да.

– Какой тип доступа в такой бот?

– Дактилозамок.

– Но тело Тристана он не доставил. Как такое возможно?

– Я не знаю...

И я не знаю. Зато моментально нарисовалась картинка:

имперский офицер отрезает у замученного им врача руку, небрежно засовывает во внутренний карман кителя... Нет. Тот Абалкин, которого я видел на Земле, никак не вяжется у меня с образом хладнокровного убийцы. А что скажет Экселенц? О, я знаю, что скажет Экселенц! Интересно, что сделал бы на месте Абалкина некто Странник? – спросит Экселенц. Да ладно – Странник. Как поступил бы на месте Абалкина некто Мак Сим, бывший кандидат в действительные рядовые Боевой Гвардии, а затем – штрафник тире смертник? Особенно если бы зачесалась в этот момент внутри него непостижимая программа Странников?

Пройдя километров десять по лыжне, я решил возвращаться. Все уже ясно, и все продумано. Без высадки с осмотром «места происшествия» не обойтись. По словам Вовида, Гурон работал без прикрытия. Что с точки зрения полевой работы было варварством и прошлым веком прогрессорства. Ближайший прогрессор резидентствовал на соседнем острове, в семистах милях от предполагаемого расположения штаба группы «Ц». И делу мог помочь не сильно, так как занимал почетную должность местного «вора-на-кормлении». Что это такое – предстоит выяснить. А еще надо взять пару гипносеансов островного наречия. Я его изрядно подзабыл. Да и знал, в общем-то, не шибко...

Документ 1 (продолжение)

Анизотропное шоссе

Завалившись набок, Саул вытащил последнюю обойму. Теперь оставалось только ждать. Песий лай перемешался с выкриками командующих облавой офицеров. Саул понимал, что его обложили со всех сторон, что ему не прорваться, что этот мерзкий лай и эти похожие на лай выкрики были последними звуками в его жизни. А пожить еще ох как хотелось! Хотелось услышать нормальную человеческую речь, женский смех, голоса детей, музыку, наконец. А еще больше хотелось забрать с собой как можно больше врагов. Пусть этот хор смерти и для них станет последним.

Саул поймал себя на том, что никак не может прицепить рожок к автомату. Что за чертовщина? Он поднес обойму к глазам. Сумерки быстро сгущались, а в лесу почти совсем стемнело. Но даже в полутьме было видно, что это не обойма от «шмайссера». Это вообще невесть что – плоский параллелепипед, теплый и шершавый на ощупь. На торце две чуть вогнутые пластинки. Одна темная, а другая мерцает неярким зеленоватым светом. «Мы создадим в районе вашего побега пассивное хронополье, – говорил незнакомец с личиной хефтлинга по кличке «Шизик». – Этот предмет называется активизатором. – Он показал Саулу штуковину, напоминающую рожок от «шмайссера». – Нажатием на светящуюся

кнопку вы активизируете хронополье и переместитесь во времени почти на двести лет вперед». – «А почему не сразу на тот свет?» – хмыкнул Саул, уверенный, что странный хефтлиг со своим научно-фантастическим бредом ему только снится. «Для людей вашего времени вы умрете», – ответил «Шизик». «В таком случае, – отозвался Саул, – перебросьте меня на фронт. В действующую Красную Армию. Поверьте, шансов выжить у меня будет очень мало...» – «Не могу, – покачал головой незнакомец. – У вас нет иного будущего, кроме того, что наступит через двести лет. Повторяю, для своих современников вы будете мертвы в любом случае. Вас застрелят при попытке к бегству!» – «Тогда не вижу резона меня спасать. Или вы всех будущих покойников так спасаете?» – «Разумеется, нет, – ответил «Шизик». – Вас мы спасаем, потому что хотим поручить одно весьма важное задание». – «Какое же, – поинтересовался Саул. – Драться с тамошними фашистами? Неужели и через двести лет будут фашисты?» – «Нет, – ответил ночной гость. – Через двести лет их точно не будет. Вернее, их не будет на Земле». – «Где же еще останется эта мразь?» – «На других планетах». – «Так, понятно, – подобрался Саул, вернее, не просто Саул, а советский офицер Савел Репнин. – Выходит, я должен буду помочь потомкам в их драке с марсианскими фашистами...» – «На Марсе нет фашистов, – сказал «Шизик». – Однако они есть в более далеких мирах. Но ваша задача не столько самому драться с инопланетными фашистами, сколько показать потомкам,

что с ними – с фашистами – можно и нужно драться». – «Выходит, разучатся потомки воевать», – вздохнул Саул. «Увы, – откликнулся незнакомец. – Так вы согласны?» – «Отчего не согласиться, – сказал Саул. – Коли все равно помирать... Так хоть с пользой...» – «Отлично! – обрадовался «Шизик». – Иного ответа я от вас и не ожидал. Только учтите, на кнопку нужно будет нажать лишь при угрозе неминуемой гибели!»

– Выходит, это все-таки не сон? – пробормотал Саул, разглядывая «активизатор». – Что ж, надо будет попробовать...

Он прислушался к звукам облавы. Группа, что двигалась с северо-запада, была ближе всего. Саул уже различал отдельные фигуры, заметные на фоне закатного света, пробивающегося между стволами деревьев. Выбрав самого рослого фашиста, Саул прицелился и вдруг вспомнил, что в «шмайссере» нет рожка. «Ах ты ж...» Саул принялся шарить у себя на поясе. Вот же он! Беглец не успел прицепить рожок, из кустов выскочила огромная овчарка и прыгнула ему на спину. Перекатившись, Саул стряхнул ее с себя, сгреб активизатор и вдавил мерцающую пластину. Ослепительный полуденный свет ударил его по глазам...

Саул кинулся обратно в кусты. Шваркнув шинами на повороте, серебристый каплеобразный автомобиль промелькнул, словно привидение лунной ночью. Беглец проводил его взглядом до следующего поворота и только тогда рискнул выйти на дорогу. Дорога была бетонная, из двух рядов се-

ро-рыжих растрескавшихся плит. В стыках между плитами росла густая сухая трава. Это озадачило Саула. Серебристое видение, бесшумный двигатель – и заброшенная дорога, не отремонтированная уже много десятилетий. Бессмыслица какая-то. Совершенный транспорт и запущенные дороги. Нелепость. Впрочем, нет резона терзаться догадками. Как ни гадай, а представить, каким мир стал спустя двести лет, вряд ли возможно. Уж точно не таким, каким его описывали в немногочисленных довоенных романах. Саул чувствовал себя мальчишкой, впервые самостоятельно выбежавшим за околицу. Еще шаг – и перед ним откроется огромный, чудесный мир. Мир без подлости, обмана и насилия. Мир, населенный красивыми, умными людьми с чистыми душами и смелыми помыслами. Мешало лишь опасение, что вся эта история с побегом в XXII век может оказаться хитроумной провокацией Дейбеля. Правда, для провокации слишком громоздко и дорого. Дейбель обожал простые и экономные решения.

– Добрый день!

Саул вздрогнул, вскинул автомат и с трудом заставил себя снять палец со спускового крючка. Перед ним стоял обыкновенный мальчик, на вид тринадцати-четырнадцати лет, в шортах и клетчатой рубашке с коротким рукавом. Вот только игрушка в его руках сильно смахивала на средневековый арбалет, а за спиной висел колчан со стрелами. Бесшумный автомобиль. Заброшенное шоссе. Мальчик в клетчатой ру-

башке и шортах. Средневековый арбалет. Саул чувствовал, что сознание его куда-то уплывает, он лишь усилием воли удерживал его при себе.

– С вами что-то случилось? – спросил мальчик. – Вам нужна помощь?

Саул покачал головой, не в силах выдать ни слова. Он вдруг увидел себя со стороны, одетого в грязную арестантскую робу, стриженного под ноль, грязного, дурно пахнущего, со смертоносной железкой в руках, все еще сведенных судорогой испуга. А вот в серых глазах мальчика испуга не было. Немного удивления и много сочувствия к странному, несомненно попавшему в беду незнакомцу.

– Здравствуй! – Саул попытался улыбнуться, но тут же вспомнил про свои прореженные лагерной охраной зубы и скривился болезненно. – Я... я археолог. Отстал от своих. Заблудился. И даже не знаю, какой сегодня день...

– Воскресенье, – ответил мальчик и добавил, видимо, на всякий случай: – Шестнадцатое июня две тысячи сто двадцать пятого года...

9 июня 78-го года

Анна Сергеевна Лотошина

Картинка на экранах внешнего обзора не отличалась разнообразием. Фосфоресцирующее небо вверху было почти неотделимо от подернутой туманной дымкой водной глади

внизу, и казалось, что бот продирается сквозь серый вязкий кисель, а то и вовсе – висит в этом киселе неподвижно, словно по неосторожности угодившая в стакан мошка.

На встречу с «прогрессором номер два» Островной Империи, пресловутым вором-на-кормлении Труохтом Гнилозубом, в миру, то бишь на Земле, – Шарлем Эркьером, я вылетел, не особо надеясь на мало-мальски вразумительный результат. Вылетел на боте покойного Лоффенфельда, кстати. Невзирая на предупреждения «полярников», погрязших в махровых суевериях. Впрочем, прогрессоры и контактеры всегда отличались трепетным вниманием к приметам и традициям...

Кабина бота оказалась тесноватой. Помимо пилотского кресла перед пультом, в полусферический объем втиснули крохотную раскладную койку – видимо, для врачебного осмотра. Возле койки громоздились незнакомые медицинские приборы, среди которых, однако, обнаружился довольно мощный портативный ментоскоп. Скорее всего, регулярное снятие ментограммы Гурона и было главной задачей покойного Курта Лоффенфельда.

Никаких вещественных доказательств на борту не было и в помине. Еще бы. Даже если «прогрессор нового поколения» и оставил бы таковые, персонал базы позаботился: бот обработан целой стаей киберуборщиков. Право слово, стадо ослов, а не база КОМКОНа-1.

Я снова полюбовался «киселем» на экранах. Кисель сде-

лался непрогляднее: теперь бот шел низко – в паре десятков саженей от океанской поверхности, в плотном тумане. «Мошка» опустила ко дну стакана. А еще я проложил ну очень обходную трассу. Лучше лишний час полета, чем испытание огневой мощи имперской ПВО. С меня достало и Его Императорского Высочества бомбовоза...

Врач Анна Лотошина оказалась высокой, худощавой и при том крупнокостной блондинкой с жиденькими, прилизанными в подобие прически волосами. Невыразительное лицо ее было бледно (последствия пережитого шока, отметил инспектор Каммерер), глаза, столь же блеклые и бесцветные, выделялись на нем лишь благодаря глубоким синюшным теням.

Разумеется, она готова была все рассказать инспектору Каммереру. Более того, ей даже необходимо рассказать, вот так вот выговориться перед в общем-то посторонним человеком, это азы психологии. Вы ведь понимаете, что коллектив у нас маленький, все свои, почти семья...

Инспектор Каммерер, тертый калач, выдавший всякие виды, моментально насторожился. Уж если женщина начинает рассказывать про то, что «мы все здесь одна семья», – жди адюльтера. Как минимум. Пока же он ограничился вежливым вопросом, является ли психология специализацией врача Лотошиной?

Оказалось, что таки да, в большой степени является, и именно по этой причине прогрессор Абалкин был направ-

лен на освидетельствование именно к ней. У нее, у Анны Сергеевны Лотошиной, – полтора десятка публикаций по изменениям поведенческих модулей многократно рекондиционированного прогрессора. Инспектор сделал вид, что пропустил сей пассаж мимо ушей, и поинтересовался, как же именно проходило пресловутое обследование Льва Абалкина.

Оказывается, никакого обследования-то и не было. Оказывается, Абалкин, появившись в кабинете врача, не мешкая вынул оружие и, угрожая оным, объявил, что или он будет отправлен на Землю первым же рейсовым «призраком», или... Испугалась ли она? В тот момент еще не слишком. Это планетарная база, инспектор, и тут случается всякое. Вот, например...

Инспектор Каммерер довольно бесцеремонно дал понять, что вполне можно обойтись и без не относящихся к делу примеров. Анна Сергеевна обиженно поджала узкие бескровные губы. Ну хорошо, вам, в конце концов, виднее. Она, Анна Сергеевна, попыталась успокоить разбушевавшегося прогрессора беседой, есть специальные методики на такой случай, однако безрезультатно. Абалкин потребовал видеосвязи с Джоки... в смысле, с Джонатаном и повторил требования. Вот тогда она испугалась по-настоящему, поняла, что прогрессор убьет не колеблясь. Почему? Тут странное дело. Она, Анна Лотошина, хорошо разбирается в психологии прогрессоров. Но Абалкин... трудно объяснить неспе-

циалисту, но тут какая-то ошибка. Ему нельзя работать прогрессором. Он не может быть прогрессором. У нее полтора десятка статей... хорошо, не будем отвлекаться, вам виднее.

Далее? До рейсового оставалось более двух часов. Все это время Абалкин говорил. Да, инспектор, именно: эти разговоры и послужили основой для вывода о психоспазме. О да, он был очень возбужден. Большею частью речь шла о гнусностях Островной Империи. Сперва он рассказывал, как все там следят друг за другом, как строчат доносы... это еще полбеды. Потом он начал живописать пытки. Пытки в разведке, пытки в контрразведке, пытке в Совете по моральному облику имперца... Это было ужасно, и тут она сорвалась. И тогда... тогда.

Тогда он ударил вас, подсказал бесчувственный инспектор Каммерер.

Ударил, да. Но это его как-то успокоило. Он принялся расспрашивать про голованов, про контакты Земли и голованов. Очень заинтересовался Миссией Народа голованов на Земле. Дело в том, что у Джоки...

Здесь инспектор Каммерер счел нужным поинтересоваться. Разумеется, Анна Сергеевна может не отвечать на подобные вопросы, однако в интересах следствия... вы понимаете... какие отношения связывают ее с начальником базы?

Отношения, да... вам виднее, впрочем, какое сейчас это имеет значение... это как раз связано... дело в том, что Джоки боготворит своего сына. Вникает во все его дела. А сын

как раз занимается голованами, он переводчик миссии... И вот он настолько боится травмировать психику юноши, что никак не решится на развод с женой... да-да, я о деле. Абалкин, услышав про миссию, снова потребовал связи с Джоки... нет, она не может сказать, почему она это все ему рассказала. Синдром заложника – так это, если она не путает, называется. Инспектор, милый, хороший, одно дело – теория, другое – когда на своей шкуре... Да, он выяснил местоположение миссии на Земле. Щекн-Итрч? Не помню, кажется, что-то такое звучало. Потом они проследовали к «призраку». Нет, оружие он спрятал, но... Когда рейсовый стартовал, она потеряла сознание. Да, надолго. На несколько часов.

Вовида надо снимать к чертовой матери, отчетливо подумал я, набирая на пульте пилотского бара комбинацию цифр. Начальничек. Вместо того чтобы немедленно сообщить на Землю о захвате заложника – ведет посторонние разговоры с террористом. Когда все заканчивается – бьется в истерику над обесчужденной возлюбленной и лишь потом, спустя много часов, вспоминает о докладе и понимает, что поздно – Абалкин уже на Земле. И тогда Джонатан Вовид принимает позу страуса и ждет, что все рассосется само собой. Гнать таких надо из КОМКОНа. В шею.

Я отхлебнул кофе из пластикового стакана – чуть не обжегся. Дрянной кофе. Синтетик. И со снабжением у них не все в порядке. Однако с одной загадкой разобрались: ясно,

каким образом Гурон сумел разыскать Щекна-Итрча на Земле. Минус для теории Экселенца. А вот и плюс: это ж каким везением надо обладать, чтобы из двадцати действующих врачей базы нарваться именно на Анну Сергеевну Лотошину! С ее запутанной личной жизнью. Нечеловеческим везением, подхватил бы Экселенц. И не везение это вовсе, добавил бы Экселенц, а работа программы Странников.

Я вспомнил листки из «заккурапии», и до меня вдруг дошло: «декабрь 70-го: планета Саракш, заключенный концентрационного лагеря». И через год с небольшим: «шифровальщик штаба группы флотов «Ц». Это ж кем надо быть, чтобы из смертника, заключенного, выбиться в офицеры, да не просто, а в элиту, белую кость Островного флота. Это ж шифровальщик, имеющий доступ к важнейшим тайнам...

И при этом Лев Вячеславович Абалкин по психическому складу не может быть прогрессором. А значит... значит, он такой и есть – удачливый, контактный и... И, кстати, совсем мне уже не верится, что находился Абалкин на грани психического спазма, а не ломал комедию перед доверчивым специалистом в области многократного рекондиционирования.

Я допил остатки кофе, смял стаканчик, не глядя швырнул в утилизатор. Я чувствовал себя гончей, которой наконец после долгих блужданий по лесу удалось взять долгожданный верный след.

Допустим, что старик Бромберг прав. Саркофаг предназначался не для нас, а для новой землеподобной грядки. Ка-

кие черты характера нужны кроманьонцу, первобытному человеку, дабы выжить в первобытных же условиях? Правильно, недюжинная, нечеловеческая по нашим меркам ловкость и смекалка, умение принимать мгновенные и притом верные решения, импровизировать на ходу. А все это невозможно без такой темной материи, как интуиция. О которой до сих пор мало кто может сказать что-нибудь вразумительное...

И эти качества Лева явил нам во всем блеске! И мне, и Экселенцу, и Анне Лотошиной. И очень интересно, что предъявил он несчастному Тристану. Очень.

Но и это еще не все. Если развивать гипотезу Бромберга, у первобытной трибы должна быть четкая структура. Что мы знаем о подкидышах? Их тринадцать, восемь мужчин и пять женщин. Это объяснимо: мужчинам приходится рисковать, и они погибают чаще. Женщин, напротив, оберегают. Еще племя не может обойтись без вождя, шамана, он же – лекарь, и воинов-добытчиков. А Лев Абалкин к тому же обладает важнейшим качеством: он способен приручать и одомашнивать животных... В какой-то книжке я читал, что человечество начало выходить из примитивного состояния, только когда научилось приручать зверей. А еще вспомнилось исследование, в котором доказывалось, что человечество произошло от одной особи женского и трех особей мужского пола...

Нехорошее чувство возникло: словно подошел я к краю бездны, но еще не знаю, что это бездна, потому что глубина

скрыта туманом, может, что и не бездна вовсе, а траншея, но надо эту то ли бездну, то ли траншею перепрыгнуть, а она широка...

Да, но человеческих детенышей нужно оберегать, пока они не научатся выживать самостоятельно. Значит, после «заброски» подкидышей на планету к ним необходимо приставить... назовем их Воспитателями. А тогда... тогда таинственные знаки-иероглифы – всего лишь метки, по которым негуманоидные Воспитатели будут различать человеческих детенышей и, соответственно, готовить к будущим ролям. Иероглиф «сандзю» – охотник, дрессировщик, даже – воспитатель диких зверей. Иероглиф «Эльбрус» – Корней Яшмаа, столь оперативно удаленный Экселенцом с Земли, пожалуй, Вождь. Интересно бы получить данные по оставшимся... Затребую, пожалуй, у Экселенца, чего уж теперь ему от меня таиться...

Или Воспитатели – не совсем негуманоиды? Возможно? Запросто. Даже, скорее, необходимо. Вот как бы это происходило на Земле. В племя неандертальцев, доказано же, что люди от них точно не произошли, не выяснено только, от кого произошли, так вот, в племя неандертальцев подбрасывается выводок хомо сапиенс. Неандертальцы высокоразвиты, у них сложные погребальные ритуалы, культура. И умение выживать в суровом мире. И воспитывают они своих эволюционных могильщиков, различая их преимущественно по родимым пятнам на сгибах локтей... Почему воспи-

тывают? А если предположить, что оплодотворенные яйцеклетки просто вживляются Странниками в утробы неандерталок?

Я ошалело помотал головой. Стоп. Хватит. Бредятина выходит. Хотя здоровое зерно все же есть. Сильная нестыковка тут лишь одна – пресловутая мистика в отношениях «подкидыш – детонатор». Что это и зачем? Или детонаторы эти – совместилище пресловутых особых свойств подкидышей, свойств личности, то есть, говоря языком наших предков, – души?

По таком случаю я наколдовал себе еще стакан кофе. Потому что туман в пропасти, в отличие от забортного, стремительно рассеивался, а я все не решался на прыжок. Ибо, если точно знать, что все обитатели гуманоидных планет – люди, значит, ты, Максим Каммерер, легендарный Мак Сим, убивал на Саракше именно людей. Не просто братьев наших меньших по разуму – но людей. И память услужливо подсунула мне лица Воблы и тех парнишек в танке, которые даже не успели понять, что их сейчас задушат голыми руками...

И вот тогда я запретил себе думать об этом. Вообще. По крайней мере – здесь и сейчас. Я запустил руку за отворот костюма-невидимки, в который был облачен по случаю предстоящей полевой работы, и вытащил уже изрядно помятую брошюрку Бромберга. Кстати, есть версия, что сам Бромберг ее и накропал. До цели еще не менее часа лету. Почитаем...

Документ 1 (окончание)

Анизотропное шоссе

Красный «Рамфоринх» с бортовым номером ЦЩ-268 на днище плыл над черной громадой Литейного моста. Пассажир вертолета ни за что не хотел упустить из виду юркий автомобильчик цвета «металлик», который все время норовил затеряться в пестром потоке своих собратьев. Хорошо, что «преследователь» догадался настроить навигационного кибера именно на этот автомобильчик – каждый квазиживой механизм обладал индивидуальными характеристиками биополя. Наземное движение в городской черте было неспешным. Тот, кто спешил, мог воспользоваться вертолетом, а если очень спешил – вакуум-метро, но для погони вертолет подходил больше. Попискивал навигатор, извещая, что объект преследования остается в пределах досягаемости биолокаторов. Пассажир полулежал в кресле, дымил трубкой и мысленно прощался с городом.

На Ленинград с утра пролился запланированный дождь. И теперь город блестел чистыми прямыми проспектами и разноцветными крышами. Мосты соревновались с радугами. Окна встречали пробивающееся сквозь редяющие облака солнце. Большая Нева, Фонтанка, каналы переливались перламутром отражений. Петропавловка, Зимний, Инженерный замок, Спас-на-Крови, Ростральные колонны, сфинксы и

львы – и теперь, спустя два столетия, вся эта державная петербургская краса сохранила свое гордое величие. Ленинград был одним из немногих русских городов, почти не изменивших внешнего облика. Поэтому Саул переехал сюда, когда врачи разрешили ему покинуть Валдайский природный заповедник, превращенный в гигантскую психоневрологическую клинику без решеток и заборов.

Саул с иронией относился к своему «заточению в лечебницу для душевнобольных», как он это называл. Он был даже благодарен врачам, поместившим его туда. Шесть лет, проведенных на Валдае, помогли Саулу освоиться с новым миром. Дивясь столь редкому в XXII столетии заболеванию, сотрудники «лечебницы» научили его пользоваться Линией Доставки и радиофоном, обращаться с автоматами и киберами, открыли доступ в непостижимую электронную библиотеку, именуемую Большим Всепланетным Информаторием. В БВИ Саул проводил сутки напролет, а когда уставал – убежал в окрестные леса, питался ягодами, купался в тихих озерах. Думал. Надзор за «душевнобольными» был самый ненавязчивый. Каждый жил в отдельном коттедже, но при желании мог вволю общаться с соседями. Саул поначалу чурался других пациентов, пока не убедился, что они такие же мягкие, приветливые люди, как и персонал клиники-заповедника.

Когда Саулу захотелось «вернуться» в большой мир, он «вспомнил», что профессия его – историк, а специализация

– XX век. Ему никто не стал препятствовать, и он переехал в Ленинград, поселился на берегу Финского залива в огромном похожем на раздутый парус доме, в десяти километрах от исторического центра. Назвавшись груздем, полезай в кузов. И Саул начал упорно осваивать азы исторической науки, посещая лекции в университете, музеи и библиотеки. Как «специалисту» ему открыли доступ к соответствующим ресурсам в БВИ. Саул погрузился в историю фашизма. Он помнил «задание», которое получил от таинственного «хефтлинга» вместе с активизатором хронополя. Он тщательно готовился к тому моменту, когда его призовут на борьбу с инопланетными фашистами. Но время шло, а никто и не думал призывать бывшего «бронетанкового командира Красной Армии Савела Петровича Репнина».

Мир светлого будущего жил по-своему сложной и бурной жизнью, но в ней не было схваток с врагами, горечи потерь и радости побед. Потери, понесенные в схватках с косной природой, не вызывали желания отомстить, а победы одерживались главным образом в сфере познания этой самой природы. Саул сочувствовал такой борьбе, но он-то был создан для другого! Некоторое время он надеялся, что ему дадут возможность поработать на планете Румата. На Румате царил средневековье со всеми его зверствами и беззастенчивой эксплуатацией человека человеком. Планетой занимался Институт экспериментальной истории. Саул обратился туда с просьбой принять в ряды сотрудников, но ему отказа-

ли. Мягко, но решительно. Под предлогом несоответствия уровня его компетентности сложности изучаемых институтом проблем.

Да, уровень компетентности «не соответствовал», Саул это хорошо понимал. Понимал, но не мог усидеть на месте. И тогда он решил бежать. Опять. На этот раз – с Планеты. И совершенно неожиданно открыл для себя, что в дальний Космос можно улететь запросто. Нужно только найти подходящий корабль. И сговорчивый экипаж. А заодно раздобыть оружие. Не «шмайссер», припрятанный в тайнике вместе с «рожком» активизатора, а что-нибудь посовременнее, что-нибудь подходящее для необжитых миров. Такое оружие существовало. Саулу легко удалось это выяснить при помощи БВИ, но выдавалось оно только капитанам сверхдальних звездолетов. Осталось лишь повстречать такого капитана.

Воспоминание омрачило настроение Саула. Разумеется, тот славный, хотя и лысый, как колено, парень не ожидал подвоха. Бывший заключенный № 819360 подкараулил его в парке, предварительно убедившись, что опечатанный пластиковый контейнер со скорчером находится у парня под мышкой. Один точный, отключающий сознание удар в шею – и все. Парень обмяк, Саул с трудом удержал тяжеленное тело от падения. Доволок его до ближайшей скамейки, включил сигнал экстренного медвызова на радиобраслете и спешно ретировался. На выходе из аллеи Саул оглянулся и увидел белый «Огонек» с алым крестом на борту, снижающийся над

пустующей детской площадкой. Вскоре парень оклемается, и никто не станет укорять его за потерю скорчера, но с той поры совесть грызла Саула не переставая. А от нее не убежишь...

«Дорогие мальчики! Простите меня за обман. Я не историк. Я просто дезертир. Я сбежал к вам, потому что хотел спастись. Вы этого не поймете. У меня осталась всего одна обойма, и меня взяла тоска. А теперь мне стыдно, и я возвращаюсь. А вы возвращайтесь на Саулу и делайте свое дело, а я уж доделаю свое. У меня еще целая обойма. Иду. Прощайте. Ваш С. Репнин».

Мысленно повторяя собственную записку, Саул поднял «Рамфоринх» и низко повел над лесом. Руки не слушались, и он включил автопилот. Лететь недалеко, до ближайшего аэродрома. А там нужно лишь пересечь на пассажирский стратолет.

«Только бы не заметили, как мне плохо, – подумал Саул. – И не только от этого дурацкого гриппа... Ведь ничего не сумел и опять сбежал, как последний трус... Ладно, у меня еще целая обойма... Главное, чтобы хронополе было. Как он там сказал: «Нажмите на темную кнопку. Это будет сигнал для нас. Мы создадим пассивное поле, а вы уж сами решайте – активизировать его или нет...» «Кто это «мы»?» – спросил Саул, уверенный, что видит бредовый сон. И получил ответ: «Группа Сопротивления».

Вертолет сел на пассажирскую площадку, едва не задев хвостовым винтом прожекторную мачту. Ночь набухла дождем. Прикрыв голову портфелем, Саул побрел к черной блестящей ленте эскалатора, убегающего в глубь посадочного терминала. Беглецу опять повезло: информационное табло извещало, что рейс № 365 отбывает через десять минут. Пассажиров было мало. Саул занял свободное кресло и сразу же уткнулся в иллюминатор. Объявили старт. Едва ощутимая вибрация прошла корпус стратолета. Кресло Саула медленно запрокинулось. За иллюминатором развернулась и канула во мглу величественная панорама ночного города. Стальной лентой обвивала его река.

«Прощай, Ленинград, – подумал Репнин. – Прощайте, мальчишки. Надеюсь, вы все-таки поняли, что с фашистами надо драться. Где бы они ни находились...»

Заклученный № 819360 лежал ничком, уткнувшись лицом в липкую грязь, у обочины шоссе. Правая рука его еще цеплялась за рукоятку «шмайссера».

– Кажется, готов, – с сожалением сказал Эрнст Брандт. Он был еще бледен. – Мой бог, стекла так и брызнули мне в лицо...

– Этот мерзавец подстерегал нас, – сказал оберштурмфюрер Дейбель.

Они оглянулись на шоссе. Поперек шоссе стоял размалеванный камуфляжной краской вездеход. Ветровое стекло его

было разбито, с переднего сиденья, зацепившись шинелью, свисал убитый водитель. Двое солдат волокли под мышки раненого. Раненый громко вскрикивал.

– Это, наверное, один из тех, что убили Рудольфа, – сказал Эрнст. Он уперся сапогом в плечо трупа и перевернул его на спину. – Крайцхагельдоннерветтернохайнмаль, – сказал он. – Это же портфель Рудольфа!

Дейбель, перекосив жирное лицо, нагнулся, оттопырив необъятный зад. Дряблые щеки его затряслись.

– Да, это его портфель, – пробормотал он. – Бедный Рудольф! Вырваться из-под Москвы и погибнуть от пули вшивого заключенного...

Он выпрямился и посмотрел на Эрнста. У Эрнста Брандта было румяное глупое лицо и блестящие черные глаза. Дейбель отвернулся.

– Возьми портфель, – буркнул он и горестно уставился вдаль, где над лесом торчали толстые трубы лагерных печей, из которых валил отвратительный жирный дым.

А заключенный № 819360 широко открытыми мертвыми глазами глядел в низкое серое небо.¹

¹ Этот эпизод придуманной нами реконструкции биографии Саула мы без всяких купюр и изменений позаимствовали из повести А. и Б. Стругацких «Попытка к бегству». – *Прим. авт.*

10–11 июня 78-го года Визит к старой даме

По-прежнему здесь пахло смертью и старым, ржавым железом. Железом, по большей части уже не способным убивать, но все еще поджидающим в лесных зарослях свою жертву. Мутно белело полуденное небо Саракша, на броне было жарко и в кабине вездехода тоже, и Федя Скворцов (он так и представился «Федя», хотя было ему на вид за шестьдесят) то и дело отвлекался от руля и ветрил, чтобы в который уж раз смахнуть рукавом пот со лба и приложиться к фляге с водой, и вода тут же выступала на его лбу капельками пота, которые снова надо было смахнуть... Благо дорога все больше прямая, почти без виражей. Хорошо знакомая дорога.

Боже мой, ведь столько лет прошло! И что здесь изменилось? Впрочем, кое-что изменилось. Вот радиационный фон заметно снизился, сказал Федя Скворцов, причем – усилиями их Экологического комитета. Может быть. Все может быть. Но скорее всего – естественное снижение.

А еще обширные лагеря для воспитуемых по эту сторону Голубой Змеи преобразованы в полевые клиники для душевнобольных. Последствия лучевого голодания. «Какое голодание, – мысленно дополнил я в свою очередь, – последствие атаки на некий Центр некоего террориста Мака Си-ма...

Это уже после моего убийства на Землю, – подумал я. – Лучевое голодание отшибало мозги не сразу. После короткой «ломки» обычно наступала длительная ремиссия, но потом приступы повторялись все чаще, год за годом, и наконец психика не выдерживала... Особенно страшно – у детей. Массаракш-и-массаракш».

– О да, конечно, воспитуемые, вернее, излечаемые нынче содержатся в гораздо лучших условиях, и никто не гоняет их на расчистку трассы. Потому что теперь она – часть лечебного процесса. Трудозаместительная адреналин-терапия, и только в периоды умственного просветления. Во всяком случае, начальник Службы полевых клиник, светило психиатрии, академик Аллу Зеф... вы ведь, Максим, кажется, с ним были знакомы? Почему – были? Ах нет, он жив и здоров, это я неудачно выразился, – поправился Федя Скворцов. – Так вот, Аллу Зеф считает, что адреналин-терапия увеличивает период ремиссии по крайней мере втрое. Гибнут? Случается. Однако редко, все меньше и меньше. Боеспособного-то железа в лесах осталось – кот наплакал. Так что эффект во многом скорее психологический. И потом, вот эти самые джунгли за Голубой Змеей, кроме, конечно, резервации мутантов – территория народа голованов. А они заинтересованы...

Короче говоря, Федя истекал потом и лучился энтузиазмом. С его слов выходило, что Саракш медленно, но неуклонно движется дорогой прогресса. Да, есть трудности,

есть пережитки проклятого прошлого, но впереди – несомненные сияющие перспективы. Видел бы этот «выюнош» совсекретные отчеты Слона в КОМКОНе-1. Как разворачиваются даже те жалкие крохи средств, что выделяются тому же Экологическому комитету, в коем Скворцов имеет честь прогрессорствовать. Как деградирует политическая система и пышным цветом цветет коррупция. Как сокращается рождаемость и растет смертность. Как изымаются из обращения все новые и новые нелегальные ретрансляторы, как, невзирая ни на запреты, ни на грозные предупреждения Департамента общественного здоровья, увеличивается количество лучевых наркоманов, готовых за сеанс «белого» облучения на все что угодно... и кому угодно. Про возросшую активность разведслужб Островной Империи я вообще молчу... Рокотал двигатель вездехода, рокотал голос неутомимого Федора над ухом, а лес по обе стороны дороги тянулся все той же нескончаемой лентой. Я смежил веки и стал прокручивать в голове обстоятельства своего предыдущего визита – к вору-на-кормлению...

Местом нашей встречи была какая-то пещера в прибрежных скалах. Тристановский бот, согласно заранее полученной инструкции, я затопил в полукилометре от берега и далее добирался вплавь, держа курс на изредка вспыхивающий в кромешной ночной мгле сигнальный маячок.

Вор-на-кормлению Гнилозуб сразу оправдал свое прозвище – как только раскрыл рот и произнес первую же фразу.

Я оценил, невзирая на почти полную темноту в гроте. Да и запах... Батюшки святы, это ж как потрудиться надо было, чтобы такое учинить над ротовой полостью! И сколько придется вставлять имплантов по возвращении на Землю. Прогрессоры нового поколения...

Гипносеансы языка Архипелага не слишком мне помогли – Гнилозуб изъяснялся на какой-то чудовищной разновидности местного преступного жаргона и к нормальной человеческой речи возвращаться не пожелал. Правда, перешел-таки на силлингву, однако и ее ухитрился обильно разукрасить словечками из лексикона преступных сообществ разных времен, народов и даже, подозреваю, планет.

Мою идею тайного проникновения на военную базу группы флотов «Ц» он сразу же отмел как бредовую. «Чухни, выстребан, – объявил он, – и прикинь, на кого лукаешься. Это ж кузнечики! Ты ж против них как сявка против козырных. Ваши не пляшут, и все такое. И прикид твой понтовый, – тут он небрежно и брезгливо, двумя пальцами, ощупал рукав моего костюма-невидимки, – не канает. У кузнечиков, – ага, это, значит, военные, догадался я, – шиза гуляет, всюду у них измена да палево. Если на mine не гробанешься, как последний клошар, ежели тепловизоры пройдешь, так на лазерных этих, как их...» – «Датчиках», – подсказал я. «Точняк, на датчиках засветишься. По воздуху? Не гони волну, в леталках только центровые летают, понял? Центровые, значит, в Центре живут, где Император. А нецентровые леталки

всегда сбивают. Че я тебя в воду окунал, дошло?»

И в том же духе. Я даже заколебался – стоит ли излагать свою просьбу, но потом все же решился. Рассказ о пропаже Рады и гипотезу о возможности существования Каммерера-младшего вор-на-кормлении выслушал, не проронив ни слова. Потом достал сигаретку, закурил. Вспыхнувший огонек позволил лучше разглядеть его лицо – серое лицо ведущего нездоровый образ жизни человека, с толстыми, набрякшими веками и неожиданно умным, цепким и холодным взглядом из-под этих век...

Все-таки я задремал, потому что вездеход уже катил не по лесной дороге, а огибал останки разрушенного города. Еще один призрак прошлого. Беркеш, бывшая культурная столица бывшей империи. Город тысячи храмов и сотен театров. Город десяти крупнейших университетов. Вся культурная элита империи... Затем – резиденция вождя мутантов, незабвенного принца-герцога. А теперь – столица народа голованов. Благо, метрополитен в Беркеше, говорят, был большой и разветвленный. Впрочем, сейчас день, и голованы должны спать.

Должны, но не спали. По крайней мере – не все. Троица подземных жителей, умеющих покорять и убивать силой своего духа, выскользнула откуда-то из развалин и преградила нам путь. Стоявший впереди медленно поднял переднюю лапу, подержал на весу и так же медленно опустил. Изменившийся в лице Федя Скворцов – похоже, не нравилось ему

племя подземных упырей, или были у него с псынами-сапиенсами какие-то свои трения – выругался и заглушил двигатель.

– Какого черта? – бормотал он, отирая рукавом лоб. – Мы же получили разрешение...

Официально мы с Федей числились экспедицией Экологического комитета, совершающей инспекционную поездку в Резервацию.

Я спрыгнул с брони, из-под сапог брызнули струи белесой раскаленной пыли. Рядом приземлился Скворцов. По бокам его гимнастерки, от подмышек, расплывались огромные мокрые пятна.

Тот, который стоял впереди, должно быть главный, заговорил. На языке Страны Отцов, медленно и четко роняя слова:

– Что надо людям?

– Мы едем в Резервацию, – так же медленно и четко ответил Скворцов. – Нам обещан свободный проезд.

– Нельзя, – коротко ответил голован.

Нет уж, подумал я, так у нас не пойдет. Мне нужно добраться до Колдуна, и я до него доберусь, хоть бы все местные упыри повыбирались из своих подземелий. Жаль только, что Лева Абалкин не успел проверить, только ли собачек могут они покорять и убивать силой духа. Или успел? Впрочем...

– Меня зовут Максим Каммерер. У вас есть нуль-передат-

чик, – я не спрашивал, а утверждал, памятуя недавний опыт общения со Щекном. – Вы свяжетесь с Миссией народа голованов на Земле и скажете переводчику Миссии Щекну-Итрчу, что я, Максим Каммерер, нахожусь здесь по делу Льва Абалкина. Пусть он скажет свое слово.

Всю тираду я выдал на силингве. Чего уж там.

Наш собеседник мгновенно сменил стойку – присел сразу на все четыре лапы, выгнул спину и медленно покрутил головой, глядя то на меня, то на Скворцова. И через несколько томительных мгновений произнес, вернее – проворчал:

– Ждите здесь...

Поселок мутантов являл собой жалкое зрелище: три или четыре десятка убогих домишек, несомненно возведенных на средства Экологического комитета, крошечный пятачок центральной площади, такие же крошечные, отвоєванные у леса поля-огороды. Сколько же их осталось? Сотня? Две? Похоже, что высыпали нас встречать все, кроме самых ленивых. Федю здесь знали, а вот меня разглядывали с опаской. Скворцов изложил суть вопроса, мол, приехал к Колдуну старый знакомый – повидаться. Из толпы выдвинулся дряхлый старец – двумя руками он тяжело опирался о внушительный посох, а свободная, нелепо и бессмысленно торчавшая откуда-то из области правой лопатки, непрестанно шевелила корявыми пальцами, словно перебирала невидимые четки. Старец резонно возразил, что Колдун, он сам ре-

шает, кого ему видеть, а кого – нет, и поскольку все знает наперед, то, ежели бы, к примеру, хотел бы своего знакомца повидать, так непременно или сам явился б или бы позвал. А раз не явился и не позвал, значит, не надо ему этого... А проводить сами они никак не могут, потому что против воли Колдуна им совсем нельзя. Колдун дичь приманивает, Колдун урожай дает и непогоду отводит. Вот давеча, скажем, без дождя никак было... И все в таком же роде.

Кто-то подергал меня за рукав. Я обернулся. Лысая женщина, глаза-щелки, руки и лицо в страшных пятнах, короткие, чудовищно кривые ноги...

– Я помню тебя, – сказала женщина, и я вздрогнул, потому что голос у нее оказался чистым и ясным и разительно контрастировал с жутковатой внешностью... – Я маленькая была, мы еще в Городе жили, а ты приехал на такой же железной машине. С другом приехал, он хороший был, цацку вот подарил.

Женщина показала раскрытую ладонь с лежащей на ней свистулькой из автоматной гильзы, и я вспомнил. Девочка Танга. Умненькая.

– А ты снова приехал, чтобы звать нас воевать? – спросила она. – Тогда уезжай, нам тут хорошо.

– Послушай, Танга, – я наконец разлепил пересохшие губы, – никуда воевать я вас не зову. Мне к Колдуну надо. Очень.

Она окинула меня быстрым взглядом, нахмурила брови –

вернее, сморщила кожу там, где они должны были быть.

– Правду говорит, – объявила она, обращаясь к трехрукому. – Я спрошу.

– Разгневается Колдун – быть беде, – обронил старец и заковылял прочь.

Вслед за ним начали расходиться по домам остальные.

– А что же Бошку, Хлебопек и все? – зачем-то спросил я, хотя и знал ответ.

– Померли, – махнула она рукой. – Давно. Много померло. У меня трое детей померли. Скоро все умрем и сюда упыри придут, сядут в наших домах жить...

Танга снова наморщила лоб, постояла, словно прислушиваясь, и с внезапной торжественностью в голосе объявила:

– Колдун ждет тебя! Иди за мной.

Я ошибался, полагая, что увижу жилище Колдуна. Мы встретились в лесу, у мощных, выпирающих из почвы на добрую сажень корней неестественно толстого дерева-мутанта. Фоново от дерева изрядно, я сразу ощутил, как начинает зудеть кожа под мокрой от пота гимнастеркой.

Колдун почти не изменился – разве что резче стали тени под глазами, да серебристый некогда мох на неестественно огромной голове приобрел серый, линялый какой-то оттенок. На плече у него сидела, свесив длинные кожистые крылья, крупная летучая мышь. Глаза ее были закрыты.

Колдун молчал, и вертикальный зрачок его пульсировал, то сжимаясь в нить, то расплываясь во всю радужку. Я тоже

не спешил начинать разговор.

– Ты изменился, Мак, – раздался наконец в моей голове громкий и хриплый голос. – Муки совести теперь не беспокоят тебя, и ты почти научился правильно выбирать соотношение целей и средств их осуществления.

Вот так. Словно не двадцать лет прошло, словно вернулись к вчера прерванному разговору. Да, заматерел Колдун. Раньше он вроде бы ко мне на «ты» не обращался.

– Возможно, – согласился я. – Но не об этом я пришел говорить.

– Сейчас ты хочешь спросить меня, знал ли я тогда, двадцать лет назад, что здесь, на Саракше, есть еще земляне? – по-прежнему не раскрывая рта, «произнес» он. – Хотя на самом деле ты хочешь спросить меня о другом. Но прежде чем ответить на второй, еще не заданный вопрос, я отвечу тебе на первый: да, знал. Ты спросишь, почему я не сказал тебе об этом? Потому что каждый должен пройти свой путь.

– Мой путь – уничтожение Центра? – я невольно впал в такой же лапидарный стиль.

– И это тоже. Излучатели не должны быть здесь. Это чужое.

Черт побери, он же читает мои мысли... Раньше за ним такого не наблюдалось. Или просто не подавал виду? Редкость редчайшая, один шанс на триллион триллионов, полезная мутация. Ох, и хреново мне сделалось в тот миг...

А Колдун произнес, вернее, продекламировал:

*Оттуда, где чужой народ живет,
Черный Дьявол явился из вод,
Его морок и боль не берет,
Кому надо – разгадку найдет.*

Змеиный взгляд вдруг поймал меня, зажал, словно в тиски, земля и небо опрокинулись, поменялись местами, а затем краем угасающего сознания я увидел картинку: громада танка, темное ночное небо и на фоне этого неба – серебристый, утыканный иглами шар, а на земле, у гусениц, – два распластанных силуэта с неестественно вывернутыми шеями...

– Максим! Максим, вы слышите меня? – голос будто с другого края галактики.

Колдуна и след простыл. Меня тормозил за плечо встревоженный Скворцов. Интересно, сколько времени я тут валяюсь, подумал я, и понял, что вовсе не это мне сейчас интересно.

Весь обратный путь я отмалчивался, пресекая поползновения Феде выяснить, что же все-таки произошло у нас с легендарным Колдуном. Которого, к слову сказать, Федя никогда в глаза не видел. Впрочем, я и сам хотел бы знать – что. Визит к Колдуну закончился, очевидно, полным и окончательным фиаско. Остается с позором вернуться на Землю. Впрочем... кое-что есть. Из загадки Колдуна можно попробовать что-нибудь дельное выжать. Если, конечно, он не просто издевался. Что на него не похоже. Зачем-то же он поже-

лал встречи...

Напоследок меня удивил еще и Федя Скворцов. Когда в мутных рассветных сумерках наш вездеход выкатился наконец из леса перед мостом через Змею, Федя, смущенно отводя глаза и отирая с лица на сей раз несуществующий пот, произнес:

– Максим... тут такая просьба... вы ведь скоро на Землю, так? Не трудно будет вам передать вот эту кристаллозапись доктору Айзеку Бромбергу?

13 июня 78-го года

Нежданно-негаданно

Через сутки я уже снова был на Земле и, не заходя домой, сразу отправился на службу. Мрачен, аки врубелевский демон, влачил я по служебным коридорам родного ведомства. Настроение у меня было препаршивым. Докладывать Экселенцу по сути нечего. Ведь главного – тайны гибели Тристана – я так и не узнал. Да, наломал наш «подкидыш» дров. Бросил тело погибшего товарища. Взял в заложницы женщину. Закрываясь ею, как щитом, пробрался на рейсовый «призрак». И так далее. Но это лишь факты без мотивов. Без подлинных мотивов, которые двигали Абалкиным. Не излагать же шефу доморощенную гипотезу о первобытном племени. Ясно даже и ежу, что Экселенц меня высмеет. И отправит в устье Тары, где вечный аврал. Как ни крути,

а единственным человеком, способным сочувственно отнестись к моим догадкам, оказывался все тот же Айзек Бромберг. Но теперь я в гости к нему не пойду, некогда мне теперь по гостям расхаживать. Вызову-ка я его к себе. Официально. По делу Абалкина. Как свидетеля. Прямо сейчас. Заодно передам ему посылку.

Я завернул в дежурку и оформил вызов. Торжественно-сосредоточенная стажерка (Аня? Таня? – никак не упомяну) моментально зарегистрировала его и уже собиралась передать на личный код старика Айзека, как вдруг, порхнув пальчиками по клавиатуре, объявила:

– Доктор Бромберг уже вызван на сегодня!

– Если не секрет, кем? – поинтересовался я.

– Для вас не секрет, – откликнулась стажерка. – Суперпрезидентом. И в данную минуту находится у него.

М-да-а... То есть не то чтобы такой вызов совсем уж невероятен. Суперпрезидент, конечно, по мере надобности консультируется со специалистами, но железный старец Бромберг, мягко говоря, никогда не пользовался в нашем ведомстве доверием. Значит, теперь пользуется. Ай-ай-ай... Что-то произошло, пока я мотался по Саракшу. Что-то глобальное. И прямо относящееся к моей скромной персоне. Что ж, проверим.

– Будьте добры, передайте доктору Бромбергу, чтобы потом он заглянул ко мне! – попросил я девушку и убрался во свояси.

Чувствуя себя не в своей тарелке, вошел я в наш с Сандро кабинет. Пусто. Ну вот и хорошо, что пусто. Я погрузился в кресло, включил рабочий терминал, открыл окно регистратора. Сообщений – масса. Большая часть их дублировалась на терминал Клавдия и давно утратила актуальность. Было сообщение и от Экселенца. Шеф велел предстать пред его зеленыя очи ровно в восемнадцать ноль-ноль. У меня оставалось около трех часов. Ладно, познакомимся пока с содержимым таинственного послания преданного ученика любимому учителю. Нажатием большого пальца я утопил кристаллокопию, врученную мне Скворцовым, в гнезде распознавателя, не подозревая, что с этого простого жеста начинается новая страница моей судьбы. Да и не только моей.

Разумеется, в тот момент я ни о чем таком не думал. Сидел и пялился в проплывающие на мониторе символы декодировки. Наконец открылся текст. Смысл заголовка до меня дошел не сразу, а когда дошел, я спешно прокрутил колесико «плавающего» манипулятора назад и перечел: «РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОСОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОСТРОВНОЙ ИМПЕРИИ».

Ну и ну!.. В смысле, массаракш! Вот чем скромные выученники доктора Бромберга занимаются на досуге, подумал я, вчитавшись в подзаголовок: «По материалам специальной экспедиции Департамента науки». Эдакий маленький, невзрачный, набранный восьмым кеглем текстик. Знаю я, что означает словосочетание «специальная экспедиция».

Департамент науки Страны Отцов – хорошо законспирированное ведомство, созданное титаническими усилиями Рудольфа Сикорски и, как видно, отнюдь не захиревшее после его окончательного отбытия на Землю. Новая власть, воцарившаяся в Стране после свержения Неизвестных Отцов, не побрезговала некоторыми из их методов. Да, президентом стал Вепрь, но в его администрацию вошло немало тех подпольщиков, которые считали, что в хороших руках излучатели не столько зло, сколько благо. Тем более что базовые элементы конструкции излучателей не только самовосстанавливаются, но и самовоспроизводятся. Попробуй удержишься от применения этой дармовой технологии, когда речь идет о власти... Короче говоря, новые Отцы – тот еще гадюшник, невзирая на высокие принципы и громкие слова о свободе и правах граждан. Посему нет ничего удивительного в том, что «Специальная экспедиция» на самом деле была сложнейшей рекогносцировкой, в которой участвовали сотни людей. И не меньше половины из них должны были костями лечь, чтобы в отчетах появились те крохи достоверных данных, на основании которых и была создана эта реконструкция. Я представил, как это все выглядело. Как минимум три группы должны были пересечь океан, отделяющий Островную Империю от материка, – основная и две вспомогательные. Основная вела себя тихо, стараясь не привлекать внимания даже дикарей-людоедов. Вспомогательные, напротив, всячески демонстрировали свое присутствие на вражеской

территории. Устраивали диверсии, шли почти в открытую. Смертники. Камикадзе. Божественный ветер. Вряд ли кто-то из них выжил...

На миг мне показалось, что буквы в тексте документа наливаются кровью, но то был лишь естественный красноватый отсвет, который давала оптроника. Отогнав призраки незнакомых мне камикадзе, я принялся читать. Вернее, продираюсь. «Реконструкция» вовсе не предназначалась для чайников. Высшая биосоциология, помноженная на высшую же экспериментальную историю. Я тупо разглядывал некую стереометрическую проекцию количества вырабатываемой на душу населения энергии на общую площадь Островной Империи, когда открылась дверь и вошел доктор Бромберг в черном строгом костюме.

– А, это вы, юноша! – обрадовался он. – А я-то думаю, кому еще здесь мог понадобиться? Ну как, ознакомились с брошюрой?

Я изобразил восторг, на мгновение воскресив «мелкую комконовскую сошку».

– Конечно, доктор Бромберг! – выпалил я. – Разве могло быть иначе? И у меня появились вопросы...

Я даже не соврал. У меня появилось множество вопросов. Например, такой: сколько работников обоих КОМКОНов числятся в приверженцах вашего учения? Ничего подобного я, разумеется, спрашивать не стал.

– Они и должны были у вас появиться, молодой человек, –

важно ответствовал старикан. – Если ваше серое вещество еще не совсем закоснело в этих стенах.

Интересно, а что, собственно, делали вы в стенах учреждения, которое на дух не переносите?

– Если не возражаете, доктор Бромберг, – сказал я тоном, «сошкам» не свойственным, – мне бы хотелось услышать ответы на эти вопросы.

– Именно сейчас? – поинтересовался Бромберг. – Поми-луйте...

– Да, – не помиловал я. – И не только по поводу брошюры.

Начальственная интонация в моем голосе не могла не покоробить криптоисторика, но он то ли сделал вид, что подобный тон ему не в новинку, то ли и вправду был не прочь поделиться высшим знанием с «новообращенным». Во всяком случае, Бромберг кинул небрежный взгляд на часы и пробормотал:

– Пожалуй, минут пятнадцать у меня есть.

Я предложил ему кресло. Бромберг неспешно опустился в него, вольготно откинувшись на широкую спинку и водрузив ногу на ногу.

– Ну-с? – сказал он. – Я вас слушаю.

Но я не торопился жадно вопрошать. Словно не зная, с чего начать, я стал щелкать манипулятором, без всякого смысла гоняя текст вверх-вниз. Наткнулся на раздел статистики. И сразу забыл о своем посетителе. «Результаты выборочного тестирования: реакция испытуемых на А-излучение положи-

тельная». Ну да, что за экспедиция да без излучателей... Ага, выродки, значит. Ну, выродки есть везде... Впрочем, что же получается, все испытуемые оказались выродками? Примечание: «Выборку не следует считать репрезентативной». Ну да, ну да, а десанты отражать при помощи передвижных излучателей, как известно, – единственно надежный способ обороны прибрежных районов. Не станут же экипажи белых субмарин формировать из одних только выродков? Следовательно, Империю населяют выродки... Массаракш...

Бромберг возмущенно заерзал в кресле, и я обратил на него затуманенный взор.

– Собственно по брошюре вопрос у меня лишь один, доктор Бромберг, – сказал я. – Кто, по вашему мнению, помог Репнину совершить путешествие во времени? Ведь насколько мне известно, законы физики запрещают подобные перемещения, а между тем «казус Саула», как говорится, имел место быть.

Доктор Бромберг самодовольно усмехнулся, сложил руки на животе и, барабая холеными пальцами по тетраканэтиленовым полам пиджака, изрек:

– Надо полагать, те, для кого время не анизотропное шоссе, молодой человек.

– То есть Странники?

Доктор Бромберг ограничился солидным кивком. Но мне этого было мало.

– Подробнее, если можно.

– Можно и подробнее, – согласился он. – Странники пове­левают не только пространством, но и временем. Отсюда все эти фокусы с возникновением и исчезновением спутников, подземных убежищ и даже целых народов. Возьмем хотя бы наш саркофаг с подкидышами. Группа Фокина определяет срок его постройки в сорок – сорок пять тысяч лет, но это в нашей системе исчисления времени. В системе времяисчисления Странников саркофаг мог быть построен перед самой высадкой Следопытов, или только вчера, или будет построен через миллион лет. Вы меня понимаете? – Бромберг прямо-таки лущился самодовольством.

– Понимаю, – кивнул я. – Только все это абстракции. Абстракции за руку не схватишь. Нет ли у вас, доктор, чего-нибудь более конкретного?

– Ну-у, – железный старец тряхнул черными локонами, – у меня всегда есть в запасе пара слов. Если принять во внимание гипотезу о том, что наш пресловутый саркофаг предназначался для новой землеподобной грядки, то не все ли Странникам равно, когда эта рассада будет высажена? Им торопиться некуда. У них, в отличие от нас с вами, впереди вечность. Наша же проблема заключается в том, что мы воленс-ноленс вмешались в чужой эксперимент и вот теперь расхлебываем. Вы согласны со мною, молодой человек?

Вопрос серьезный, и я не спешил с ответом. Ответить «да» значило косвенно подтвердить свое вступление в ряды учеников и последователей доктора Бромберга. Ответить

«нет» – погрешить против истины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.